

СЕРГЕЙ
ПУКЬЯНЕНКО ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**ВИКТОР
ТОЧИНОВ**

ЛОГОВО

ЗВЕЗДАНЫЯ

Лауреат премии «Гарекс» 2003-
в номинации — ДИКАЯ

ДА БИРНИТ

Виктор Павлович Точинов

Логово

Серия «Пасть», книга 2

OCR Leo

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120060

Виктор Точинов. Логово: АСТ, Ермак; М.; 2004

ISBN 5-17-020265-2, 5-9577-0702-3

Аннотация

Оборотень – идеальная машина для убийства? А почему бы и нет?

Секретная лаборатория продолжает серию бесчеловечных экспериментов. В городах России пропадают крепкие, здоровые, обеспеченные люди. В «Логове», на территории бывшего военного объекта, – появляются оборотни. Они заперты в четырех стенах. На них ставятся «научные» опыты. Все они обречены... Все ли? Ему повезло. Он, подопытный оборотень, чудом оказался на свободе – и начал свое расследование.

Кто он? Волк или человек? Этого он не знает и сам. А тем временем – близится полнолуние...

Содержание

ПРОЛОГ	4
1	4
2	7
3	14
Часть первая	19
Глава 1	19
Глава 2	33
Глава 3	41
Глава 4	51
Глава 5	64
Глава 6	80
Глава 7	95
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Виктор ТОЧИНОВ

ЛОГОВО

ПРОЛОГ

1

1939 год

Документ приводится с небольшими сокращениями, орфография и пунктуация оригинала сохранены.

СЕКРЕТНО

27.05.1939 г. иск. N 0128/39 Кол. экз. – 1 Экз. N 1.

Начальнику Индигирлага, комиссару
госбезопасности 3 ранга

Штеймарну Е.С.

РАПОРТ 1

Настоящим докладываю что 23 числа мая месяца сего года в 04 лаг./пункта 213/07-бис обратился местный охотник-якут тов. Василий Николаев проявивший долг советского гражданина с сообщением про находку в охотничей избушке остатков

человеческих тел имеющих следы насильственной смерти. Предметы обнаруженные там же тов. Николаевым позволили предположить что найденные остатки принадлежат пропавшей согласно рапорта от 12 октября 1938 года поисковой группы проводившей опер по розыску з/к 18767 (Ольховский В.Я. осужд. по ст. 58 п. б) совершившего побег с нападением на конвоира 02 октября 1938 г.

< . . >

Отправленная 24 мая из лаг./пункта 213/07-бис оперативная группа в составе зам. нач. 04 лейтенанта НКВД Осадчего В.И. бойцов ВОХР Свиридова. И.Г. Ласточкина В.В. Кутаисова Х.В. в сопровождение охотника тов. Николаева и врача лаг./пункта расконвоированного з/к 14789 обнаружила в означенной избушке в урочище Тришкина Падь остатки 6 тел сильно поврежденные зубами неустановленных животных. Там же было обнаружено оружие винтовки образца 1891/30 4 шт. и револьвер системы наган 1 шт. а также патроны и некоторые др. предметы амуниции и снаряжения. Зав. номера на оружие соответствуют номерам пропавшей согласно указанного выше рапорта поисковой группы в составе <...> всего 5 человек. Найденый там же золотой нательный крестик католического образца позволил опознать 6-е тело как принадлежащее розыскиваему з/к 18767 (Ольховскому В.Я.). Согласно показания свидетеля побега не-посредственно перед нападением конвойный пытался изъять обнаруженный у з/к 18767 во время

обыска вышеозначеный крестик.

Протокол осмотра места происшествия прилагается.

< . >

Согласно заключению осмотревшего остатки врача з/к 14789 смерть всех 6 человек произошла в следствие укусов крупного животного предположительно волка или медведя. Очевидно нападение неустановленного животного произошло после того как было проведено задержание означенного з/к.

< . >

...после чего остатки тел погибших на боевом посту товарищей <...> были захоронены в братской могиле, отмеченной памятным знаком.

В следствие изложенного предлагаю:

1. Отметить приказом по личному, составу Индигирлага тов. <...> как мужественно погибших на посту при исполнении служебного долга.

2. Прекратить оперативно-розыск. мероприятия по месту бывшего проживания и местам возможного нахождения з/к 18767 (Ольховского В.Я.) в связи со смертью последнего.

27.05.1939 г.

*И.О. начальника лаг./пункта 213/07-бис капитан НКВД
Клебан И.К.*

2

1961 г.

Раны казались на вид неглубокими, однако кровь никак не унималась, текла и текла.

Надо было наложить жгут, но ничего подходящего в омшаннике не нашлось. Там вообще по летнему времени почти ничего не было, лишь в углу валялась куча никчемного пчеловодческого хлама – старые дымари с прохудившимися мехами, разломанные рамки, в клочья рваные наголовные сетки...

Ремня у Кольки тоже не оказалось – серые новые брюки сидели, как на грех, плотно, в обтяжечку.

Лиза, недолго сомневаясь, рванула подол. Скатала, скрутила оторванную длинную полосу ткани, затянула на его бедре уверенными, сильными движениями. Оторвала еще полосу, перебинтовала укус. Колька тут же вознамерился подняться.

– Лежи, лежи, – остановила она его властным жестом.

– Надо...

– Лежи! – Левая бровь ее изогнулась ломаной линией, и Колька подумал: до чего же все-таки похожа на бабушку-Ольховскую, только молодая и красивая, хотя, говорят

старики, и бабка ее была в молодости ого-го.

– Надо глянуть: может, ушла?

– Лежи, я сама.

К двери – низкой, толстенной, сколоченной из вручную тесанных листовенничных брусьев – Лиза не пошла, и засов не отодвинула. Подошла к окошку. Вернее, к узкой вертикальной щели, прорубленной в стене – чтобы пчелы зимой не задохлись. Приникла, посмотрела. Подошла к другой щели...

– Там. Сидит...

Хорошо, что ночь такая лунная, подумал Колька. А ти бы гадали, можно ли выйти. И все-таки: откуда взялась в Нефедовке эта псина? Всех кабысдохов в морду и по кличкам он, конечно, не знал, но такую здоровушную, чуть не с теленка ростом, как-нибудь бы уж приметил, за четыре-то месяца... Точно, четыре месяца ведь, как вернулся с армии... Да... А собирался – приехать на недельку, отгулять-обмыть возвращение, – и в Канск... Да вот встретил Лизу... – вроде ведь и были знакомы до призыва, в Нефедовке все со всеми знакомы, а увидел, как в первый раз, – и пропал...

Вой донесся снпружи и оборвал его мысли. Вроде и негромкий, звучал он низко, страшно, и Колька, жалевший поначалу, что не подвернулся дрын под руку, поучить тварь уму-разуму, вдруг засомневался, помогла ли бы ему самая толстая дубина. Пристрелить бы... Но с дробовиком на свидания ходить как-то не принято.

Вой смолк.

Откуда же взялась такая здоровенная шавка?

Лиза словно прочитала его мысли. Сказала:

– Это она. Бабонька. – Голос звучал без всякого выражения.

– Натравила? А где держит? Почему не видел никто?

Лиза посмотрела на него странно. Впрочем, в сочащемся из узкой щели-бойницы лунном свете любой взгляд покажется странным. Сказала медленно, с нажимом:

– ЭТО ОНА.

Тогда Колька понял. Сам он происходил из пришлых, закинутых в Сибирь вихрями конца двадцатых, и все равно, хоть и родился, хоть и вырос в Нефедовке, стояла на нем некая невидимая печать – чужак. Вроде жили все бок о бок, околица к околице, а разделение это на своих и чужих оставалось, и тянулось долгими десятилетиями – и кое о чем при нем просто не заговаривали.

Но он слышал, конечно, что бабушка-Ольховская считалась знающей. Слова «колдунья», «ведьма» в сибирской глубинке не приживались, говорили попросту: та или тот знает. Чепуха, конечно. Предрассудки и мракобесие.

Коля сказал осторожно:

– Послушай, Лизанька... Это же сказки. Причем старые, не ко времени совсем. Гагарин вон в космос летал, сказку былью сделал, а тут... Собака это, просто здоровая. От охотников, видать, отстала. Ну, оголодала маленько, одичала...

Она, казалось, не слушала. Поднесла палец к губам – Колька замолчал. И тоже услышал – что-то негромко скребется снаружи, у входа. Потом звук смолк, как будто собака оценила крепость двери и задумалась о других способах попасть внутрь.

Лиза подняла взгляд. Он, машинально, тоже, но подумал почему-то совсем не про Гагарина, сделавшего сказку былью, а про то, что крыша у омшанника прочная, надежная, и сверху выложена толстым слоем дерна, и оттуда к ним не доберется ни собака, ни...

– Надо дождаться рассвета, – сказала Лиза. – Тогда она уйдет.

Слово «она», вроде бы применимое к кому угодно, прозвучало так, что сомнений не оставалось: Лиза уверена, что снаружи совсем не собака. И уверенность эта действовала заразительно. Не то чтобы Колька тоже поверил в эту чепуху, но... Но вспоминались ему вещи действительно странные. Например, как старая Ольховская (свои называли ее Бабонькой) растила грибы. Да-да, именно грибы. Именно растила. Шампиньоны, на четырех здоровенных грядках, вытянувшихся не на огороде – а прямо на дворе, между домами-близнецами на подворье Ольховских... Грядки сплошняком были усеяны белыми ядреными шляпками, но соседи смеялись (за глаза, понятно) – вокруг рыжиков да груздей хоть косой коси, а тут что за гриб? – поганка поганкой... Смеялись, пока Бабонька не начала продавать урожай в Канске, поварам

катящих по Транссибу вагонов-ресторанов... Когда выяснилось, что «поганки» приносят денег куда больше, чем традиционное для Нефедовки бортничество да рыбалка на Кане – последователей и подражателей нашлось множество. Чуть не на каждом подворье, в тенечке, поднялись высокие гряды из смеси земли и навоза... Да не тут-то было. Грибным червям, успевающим в лесу опробовать отнюдь не каждый гриб, плотно растущие «шампиёны» нефедовцев пришлось как-то особенно по вкусу. Урожай оказались червивыми, до последнего грибочка. Какие уж тут вагоны-рестораны... У бабушки-Ольховской ни одного червивого гриба не было...

Колька оборвал свои мысли. Ни при чем тут это. Эк, сравнил: какие-то черви и... Мало ли какой секрет старуха знает. Но в голову невольно лезли воспоминания о других странностях, вроде и мелких, вроде по отдельности и объяснимых, но... Скот,дохнувший (ветеринар клялся – от вполне законных и естественных причин) – но почему-то лишь у недругов Бабоньки... Несчастные случаи – топор слетит с топорщица, коса рассекает ногу – происходящие опять же именно с ними. Вроде каждый в отдельности – вполне обычное дело, но все вместе...

Лиза сидела рядом и тоже думала – о чем-то своем. Потом словно решила. Встала с ним рядом на колени, склонилась, защекотав волосами Колькино лицо, заговорила быстрым, горячим, сбивчивым шепотом:

– Знаю, знаю, что ей от меня надо... Мне уже двадцать

два... Двадцать два, Коленька! – но замужем мне не бывать, и вообще... я еще... Михаил – утонул, зачем, ну зачем в Кан купаться полез, вода же ледяная... Сёма вроде сам уехал, но видели его в Канске, рассказывали, – сам не свой, пьет каждый день, почернел весь, старик стариком... Теперь вот это... Не подвернется ведь в другой раз рядом омшанника, Коленька... Так ли, этак, своего добьется...

Она говорила, говорила, нагибаясь все больше, и он почувствовал, как торопливые пальцы расстегивают пуговицы на его рубашке, ниже, ниже, а потом оказалось, что крови у него вытекло не так-то и много, что крови в жилах еще достаточно – и эта кровь вскипела, забурлила, и слова уже стали не нужны, все было ясно и понятно без слов, и все было прекрасно... Но самый прекрасный, самый последний момент испортил вой за стеной, уже не приглушенный, – громогласный и яростный, терзающий уши...

...А потом она сказала странное и неожиданное:

– Теперь она тебя не убьет. Наверное. Теперь она убьет меня.

Голос Лизы звучал тускло. И. решимость, и фамильная властность куда-то исчезли...

Он поднялся на ноги. С трудом – левая, стянутая жгутом, изрядно онемела. Произнес спокойно, но с каменной уверенностью:

– Ну уж нет. Сегодня утром дядька Трофим едет в город, фляги с молоком везет... Попросимся в кузов. Без сборов и

разговоров. Не маленькие. Не пропадем, устроимся.

Первый луч солнца пробился сквозь щель-бойницу, упал ему на лицо, осветил морщинку на лбу – взрослую, упрямую. Она смотрела на него. Во взгляде смешалась грусть и надежда. Надежды было больше...

Как он сказал, так они и сделали.

Колька Ростовцев всегда отличался упорством. И слов на ветер не бросал...

1972 г.

У Севы Марченко – веснушчатого рыжеволосого парня – не выдержали нервы. Не выдержали, когда он вылез из раскопа и на свету разглядел, чем измазана штыковая лопата. Безвольно выпустил черенок из рук, сделал шаг назад, второй, третий... Покрасневшее, потное лицо исказила странная гримаса – словно он очень хотел закричать или зарыдать, и просто пока не выбрал лучший из этих двух вариантов.

На лопате была кровь. Свежая.

Она смешалась с землей в красноватую кашицу, налипшую на острие, но ошибиться было невозможно.

– Это... крот? – неуверенно сказал Марченко. Он хотел, чтобы ему подтвердили: да, так оно и есть, неосторожное движение перерезало пополам безвинного зверька...

Но никакой крот свои ходы на глубине два с половиной метра не роет...

Чернорецкий только хмыкнул. Он был на семь лет старше. Севы, и привык свои чувства – когда бывал потрясен или в чем-то неуверен – прикрывать цинизмом, частично врожденным, частично благоприобретенным...

Но сейчас Жене Чернорецкому тоже было не по себе. Од-

но дело – выстроить парадоксально-изящную кабинетную теорию. А совсем другое – найти ей реальные, грубые и кровавые подтверждения... И он не отпустил ни одной из своих обычных шуточек. Сказал, помолчав:

– Все, лопаты откладываем. Похоже, тут флейшиком работать надо...

И шагнул к раскопу.

– Отставить!

Это прозвучало резко, как выстрел. Осадчий стоял, широко расставив ноги, не улыбочивое лицо казалось закаменевшим. И взгляд... Очень не понравился Жене его взгляд – казалось, последние двадцать пять лет, посвященные научному администрированию, слетели с Осадчего, как шелуха с зерна – на них снова холодно и безжалостно смотрел гебэшный матерый волк...

– Без перчаток и респираторов туда соваться не будем, – сказал Осадчий чуть мягче. – Всеволод Николаевич, принесите из машины, пожалуйста.

Вовремя, подумал Чернорецкий. Такое часто помогает – дать впавшему в ступор человеку самое простое, требующее чисто механических действий задание...

Помогло и теперь. Марченко поплелся к газику, движения и взгляд его постепенно обретали осмысленность...

...Судя по внешнему виду, человека зарыли сегодня. Самое раннее вчера. Если бы Чернорецкий самолично не раскапывал слежавшуюся за десятилетия землю, именно к та-

кому заключению он бы и пришел... Даже сейчас не остав-
ляло ощущение какого-то фокуса, трюка...

– Случалось мне в тридцатые видеть нетленные мощи, –
сказал Осадчий, содрав с лица респиратор и пригладив седе-
ющий ежик волос. – Их тогда повсеместно изымали и сжи-
гали. Так они куда как гниlostнее выглядели. Двадцать семь
лет ведь лежит, и безо всякого гроба...

Именно двадцать семь лет назад, в 1945-м, прекратились
нападения на людей и скот – нападения, которые слишком
долго приписывали то волкам, то медведям.

Ни единого волоса на голове и теле человека не было. На
груди и животе виднелись четыре отверстия, явно пулевых.
Плюс рассеченная лопатой Марченко нога. На всех пяти ра-
нах виднелась кровь – свежая, яркая. Не свернувшаяся. Же-
ня подумал, что ничуть не удивится, если мертвец сейчас за-
шевелится и сядет в могиле... А то и набросится на потре-
воживших его покой...

Похоже, Осадчего посетили те же мысли – вытащил пи-
столет из-под энцефалитки, держал в опущенной руке, не
выпуская раскоп из вида.

– Интересное кино, – сказал Чернорецкнй. – Тут вот ле-
жит мертвец и никак не может сгнить. А в четырех километ-
рах отсюда умирает старуха – и никак не может умереть. Хо-
тя она-то как раз сгнила заживо, и патологий, несовмести-
мых с жизнью, у нее на пяток покойников...

– Ты у нас эскулап, вот и разбирайся с патологиями, – ска-

зал Осадчий. – А мое дело – доставить это чудо-юдо, куда положено. В режиме максимальной секретности...

...Старуху можно было легко найти по запаху, даже не обладая для этого чутьем легавой собаки. Сград, стоявший в старом опустевшем доме Ольховских, крепчал по мере приближения к единственной жилой комнате... Впрочем, не к жилой, подумал Женя, старательно дыша ртом. Не к жилой, к умиральной...

Повезло. Сегодня бабка была относительно способна к разговору – в первый раз за последнюю неделю. Но, как и раньше, ничего связного выудить у нее не удалось.

– Мы установили точно, по отпечаткам пальцев, – это ваш младший сын, Владислав.

Женя говорил громко, отдельно, но по возможности мягко. Осадчий молчал. Методы допроса, к которым он привык, здесь не годились. Марченко с ними не пошел – первый его визит сюда стал и последним.

Старуха отреагировала на слова Чернорецкого неожиданно. Рассмеялась. Смех был страшен. В распахнувшемся черном провале рта дергался изъязвленный язык. Зловоние усилилось. А раздавшийся звук порождал желание зажать руками уши, и так вот, не отнимая рук, выбежать вон...

– Вы можете хоть как-то объяснить, что с ним произошло перед смертью? – спросил Женя, уверенный – не ответит.

Ответила. Тихо, с большими паузами между словами, но вполне разборчиво:

– А ты... разужнай... у святого... Вонифатия...

– Совсем спятила... – Осадчий сплюнул. И нажал клавишу «стоп» на портативном бобинном магнитофоне.

Старуха снова захохотала – тем же безумным и сводящим с ума смехом.

Но глаза ее... Глаза смотрели вполне разумно. Более того, в глубине их таилась насмешка.

Чернорецкий, как врач, знал прекрасно: глаз – само глазное яблоко, и зрачок, и радужка – не имеет и не может иметь никакого выражения, отражающего эмоции, за выражение глаз мы принимаем микромимику глазных мышц... Знал и все равно подумал: «Она не сумасшедшая. Все понимает и обо всем помнит. Но ничего нам не скажет. Просто-напросто издевается...»

Часть первая

ИВАН, НЕ ПОМНЯЩИЙ

РОДСТВА

Глава 1

Наручники были хороши.

Эластичные прокладки браслетов охватывали запястья мягко, не травмировали. Это – если не делать резких движений. В противном случае впивались, сдавливали, перекрывали кровоток. Человек это знал – и старался не дергаться.

Ключ повернулся легко и беззвучно. Руки, заведенные за спину, почувствовали свободу. Человек поднялся с колен, снял с головы спецназовский капюшон, натянутый прорезями назад, бросил под ноги. Пряди седеющих волос встопорщились. Именно за них человек подучил свое прозвище: Седой. Хотя отнюдь не был стар.

Осматриваться он не стал. Место хорошо знакомо и что будет дальше – хорошо известно. Назад тоже не оглянулся. Что за удовольствие смотреть на четыре ствола, направленных на тебя с безопасной дистанции?

– Ну, че встал-то? Шуруй давай. Время пошло. – Голос сзади прозвучал с ленцой, равнодушно.

Седой не заставил себя упрашивать. Рванул с высоко-го старта и исчез между деревьями. Вокруг был лес – ме-стами сосновый, мачтовый, местами смешанный, низкорос-лый, прорезанный полузаросшими просеками, испещрен-ный ямами и канавами. Бывшая территория военного объ-екта, приспособленная для иных целей. Место это – между своими – называлось Логовом. Седой тоже был своим. До недавнего времени.

Направленные на пленника стволы после его исчезнове-ния не опустились, но сместились на другую мишень. На клетку. Низкую, небольшую – в сравнении с размерами за-пертого в ней зверя. Клетка была оборудована для движения по пересеченной местности – основание стояло на шасси с широкими автомобильными колесами. Длинная металличе-ская оглобля с поперечиной позволяла тянуть передвижную тюрьму вручную, не приближаясь к прутьям решеток. Либо – использовать как прицеп к автомобилю.

Четверо автоматчиков подошли к клетке с оружием наго-тове. Двое в штатском, стоявших у машины, оказались за их спинами.

Один из штатских возился с установленным на капоте прибором, отдаленно напоминавшим ноутбук, собранный каким-нибудь Кулибиным из разнородных деталей. Второй смотрел на его манипуляции с легкой тревогой. Сегодняш-нее испытание – особенное. Любая осечка или неполадка должны быть исключены.

– Вот что, – сказал второй, – открой-ка сегодня пораньше. Секунд-на тридцать. На всякий случай.

– Ну... так ведь это... ведь как же? – сбивчиво забормотал возившийся с прибором. – Там ведь оно... цепь задержки... на замке-то... перепаивать ведь надо... нет, Мастер, никак не выйдет.

Человек, названный Мастером, не стал настаивать. И предлагать отпереть клетку вручную – не стал. Стоял, смотрел, как движется по экрану синяя метка. Красная пока мигала, оставаясь на одном месте.

Секунды ползли медленно, как перегруженный товарный поезд. Наконец торцевая стенка клетки с лязгом упала. Автоматчики напряглись – приклады вжаты в плечо, указательные пальцы выбирают слабины спуска.

Зверь не шевелился. Не спешил воспользоваться свободой.

Мастер коснулся кнопки на коробочке, похожей на пульт радиоуправления детской игрушкой. Это и был пульт управления.

Зверь оказался снаружи. Не выбрался, не выполз. Неуловимое, смазанное движение – и туша припала к земле в паре метров от клетки. Длинная шерсть – темно-бурая, почти черная – скрывала очертания твари. На башке шерсть была короче. Виднелась морда с огромной пастью. С клыков тягуче капала слюна. К выбритому затылку прилип небольшой блестящий предмет.

Мастер легонько повернул ручку на пульте, нажал кнопку... Многометровым прыжком зверь метнулся вперед. Исчез в том же направлении, что и убежавший человек. Автоматчики слегка расслабились.

Мастер манипулировал кнопками пульта и вместе с напарником следил, как по экрану перемещаются красная и синяя метки.

Расстояние между метками уменьшалось.

У Седого было две минуты форы. Сто двадцать секунд – не больше и не меньше. Он постарался не терять зря ни одной.

Петлять и путать след не имело смысла – Седой знал про экран, показывающий каждое его движение. Тело и одежда обработаны специальным составом, дающим при активной локации хорошо заметное отражение. Одежду еще можно было сбросить, погода позволяла. С собственной кожей расстаться труднее, и он не тратил время на тщетные попытки избавиться от наблюдения.

Видят – пускай. Он делал ставку на скорость и па знание местности. Территорию Седой знал лучше, чем кто-либо. Именно он занимался переоборудованием объекта. Устанавливал системы слежения и оповещения периметра, всевозможные сюрпризы для незваных гостей. И заряды для экстренной ликвидации – если гости будут чересчур настойчивы и многочисленны...

Ветви хлещут по лицу. Он проламывается сквозь кустар-

ник, почти не снижая темпа. Канава. Прыжок. Не удержался на ногах, вскочил, понесся дальше. Слева развалины – серые обломки бетона, уцелела лишь одна стена. Дальше, дальше... Развалины ничем не помогут. Не спасут от мчащейся по пятам смерти.

Воздух рвет легкие. Пульс грохочет в ушах. Быстрее, еще быстрее И по прямой, только по прямой – любой зигзаг тварь срежет, выиграв драгоценные метры и секунды.

Где же рельсы? Неужели сбился, ошибся с направлением?! Нет, вот они... Выскочил на просеку, перемахнул заросшую узкоколейку Снова в лес. Быстрее, быстрее, быстрее...

Часов не было, но он ощущал время каким-то шестым чувством. Сейчас – открылась клетка. Сейчас – тварь рванула в погоню. Живая торпеда, наводимая бездушными операторами... Ничего, их еще ждет сюрприз.

Дважды или трижды он падал, споткнувшись. Вскакивал с замиранием сердца. Повредить⁴ или вывихнуть ногу – конец. Смерть без отсрочек и апелляций. Но все обошлось.

В голове билась одна мысль: не пропустить единственно возможный момент для маневра. Поспешить или запоздать – и призрак спасительного шанса исчезнет.

Седой замедлил бег, вслушался. И услышал – сквозь собственное хриплое дыхание и набат сердца. Тварь. Подлесок хрустко ломается под стремительными прыжками. Пока еще далеко, но ближе и ближе.

Пора!

Он круто изменил направление – почти под прямым углом.

– Ага, задергался, – удовлетворенно процедил Мастер, колдуя над пультом. – Услышал, нервишки не выдержали...

Красная и синяя метки на экране неуклонно сближались. Синяя свернула и поползла в другом направлении. Красная, повинуясь сигналу, двинулась по гипотенузе, подрезая путь.

– Что за... – Мастер не закончил.

Красная метка замедлилась. Остановилась совсем. Синяя продолжала движение.

За лазейкой была жизнь. Никто выпускать тварь за пределы территории не рискнет... Хочется надеяться – не рискнет. И появится время смыть эту пакость, делающую его ходячей мишенью.

Седой мчался, не замечая хлещущих по лицу веток.

Он услышал вой – хриплый, яростный.

Отлично. Все сработало. Зверь с маху влетел в ловушку – ведомый чужой волей, ни остановиться, ни свернуть он не мог. На экране не отражалась здешняя свалка – котлован площадью около полугектара, забитый всевозможными обломками и осколками отслуживших свое приборов и конструкций. Но не эта преграда остановила зубастую бестию. Поверх мусора валялось огромное количество колючей проволоки, перепутанной в непроходимую паутину. Седой сам распорядился стащить ее туда – со старого, демонтируемого

периметра и со снятых ограждений технических площадок.

Тварь сейчас билась в тенетах, оставляя на ржавых шипах куски шкуры и мяса, разрывая колючие петли, чтобы тут же запутаться в новых.

Вой не смолкал. Седой ухмыльнулся. Не любишь? То-то...

Радоваться маленькой победе было некогда. Он снова изменил направление – в последний раз. Теперь – к лазейке в периметре. К потайному выходу, оставленному полтора года назад для себя – как сердце чуяло, что пригодится. К маленькой ложбинке, промытой талыми водами под бетонной стеной. Он не стал тогда ставить ни дренажную трубу, ни решетку. Просто выкопал и посадил вокруг лаза несколько колючих кустов ежевики – и изнутри, и снаружи. Расставил датчики так, чтобы ложбинка была в мертвой зоне. И сделал проход в тонкой, незаметной в траве проволоке-путапке, выстилавшей землю у стены.

– Что за хренотень, Деточкин?! – зарычал Мастер. – Он что, в болото провалился? Так нет тут болот. Если твоя бандура отказала – расстреляю.

Деточкин испуганно сжался. Он бы предпочел услышать угрозу о повешении за яйца, о выпускании кишек, о вырывании конечностей или даже о закатывании в асфальт. Скупые слова о расстреле звучали конкретным и реальным предупреждением. Деточкин знал Мастера достаточно, чтобы по-

нять, – так и сделает. Расстреляет.

– Ну не может... никак не должно... все дублировано... перепроверено...

Он вырвал пульт из рук Мастера, лихорадочно тыкал в кнопки, не прекращая бормотать:

– А если назад... ну давай, давай... чему тут ломаться... а вбок., во, во, вроде пошел...

Красная метка на экране дернулась. Едва заметно поползла в сторону. Синяя уверенно удалялась.

– Все работает... влетел куда-то... может, это, шахта какая осталась? не засыпанная, а?

Порыв ветра донес издали вой – как подтверждение словам Деточкина. Мастер не ответил. Гаркнул, не отрываясь от экрана:

– Гвоздь! Бери ящик – и вперед! Емеля, прикроешь. Вы, двое, – остаетесь здесь. Ты, Деточкин, тоже с нами.

Гвоздь закинул автомат за спину, подхватил ноутбук – не закрывая и не выключая. Мастер выдернул пистолет из подплечной кобуры, торопливо зашагал в лес. Деточкин неуклюже затрусил между ним и Емелей, кося на экран и продолжая манипуляции с пультом. Красная метка поддавалась его усилиям – но медленно, очень медленно. Зеленая, обозначавшая положение ноутбука, начала свое движение...

Двое автоматчиков остались у опустевшей клетки и машины с локатором.

Он выскочил к периметру в стороне от расчетной точки. Торопливо замотал головой, пытаясь понять, куда надо двигаться. Ценой ошибки могла стать жизнь.

Влево местность понижается... И вон те две высокие ели. Точно. Влево. Метров двести. Он побежал вдоль стены – высокой, пятиметровой, с новенькими, поблескивающими на гребне спиралями Бруно. Побежал не слишком к ней близко – чтобы ненароком не влететь в путанку.

Вниз по склону бежалось легко, ели промелькнули темно-зелеными призраками, сейчас, сейчас покажется припкнувшийся к стене ежевичник...

Не показался.

Седой остановился. Дернулся было обратно. Застыл, недоуменно вертя головой. Наконец, увидел – и понял все. Бросился к лазейке, не желая признавать увиденного и понятого.

Ежевичные кусты были вырублены. Барьер из свежего темно-серого раствора перекрывал промоину. Торчал оголовок десятидюймовой дренажной трубы.

Плотина надежды рухнула. Страх – первобытный, животный – захлестнул с головой. Седой ринулся на стену с хриплым стоном. Цеплялся, срывая ногти, за крошечные неровности на стыке двух плит. Карабкался, не задумываясь, как продерется сквозь ошетилившиеся плоскими лезвиями спирали. Рухнул, преодолев меньше половины пути.

Несколько секунд сидел неподвижно. Потом поднялся,

побрел, шатаясь, сам не понимая куда.

Стояла тишина – обманчиво-мирная. Только шелест листы да его тяжелое дыхание. Тишина?! Он внезапно понял, что уже какое-то время не доносится вой попавшей в ловушку твари.

Седой снова понесся – не видя и не слыша ничего, не выбирая дороги и направления, без всякой цели и плана. Мозг отключился. Организм сжигал себя в спринтерском рывке, реализуя инстинкт давних, пещерных времен, выигрывая недолгие секунды жизни.

Окровавленный зверь обрушился на спину неожиданно. Пасть с хрустом сошлась на шейных позвонках. Для Седого все кончилось.

Человек лежал неподвижно. Вместо шеи и затылка – красное месиво. Седеющие волосы пропитались кровью.

Зверь валялся поодаль, сбитый с ног парализующими импульсами. Шерсть его тоже слиплась в кровавые сосульки – колючая ржавая паутина неохотно отпустила добычу. Лапы твари подергивались, скребли землю. Из пасти вырывался звук – низкий, тихий – связки парализованы.

– Отбегался Седой, – констатировал Мастер, подходя. Больше на труп он и его спутники внимания не обращали. Смотрели на зверя, не подходя излишне близко.

– Долго возился, – неодобрительно сказал Мастер. – Будь шустрая дичь, или вооруженная, или на радаре не видимая, –

точно бы ушла. Несколько натасканных овчарок быстрее бы сработали. И в яму бы в эту не влетели. И гораздо дешевле обошлись бы.

Прямого упрека Деточкину в словах не звучало, но он посчитал нужным возразить:

– Так ведь это... Это не объект сам охотился, правильно? Тут ведь как... мы ж его давим, верно? Глушим реакции... под свои подстраиваем... скорость тоже... Вот если б сам... Опять же, Эскулап говорил... у этого рефлексy нетипичные тормозит... Инъекции дополнительно... дважды все равно тормозит...

– Ладно. Аппаратура работает нормально, можно докладывать... Гвоздь!

Гвоздь, бритоголовый верзила, подошел. Челюсти мерно двигались. Звук сквозь это мерное движение донесся не слишком вразумительный:

– Э-э-у-у-э-о?

Деточкин украдкой поморщился. И пожалел о тех временах, когда безопасностью руководил покойный Капитан Попробовал бы к тому кто так обратиться. Новое рфемя, новые песни...

– Выплюни, – процедил Мастер.

Верзила недоуменно похлопал глазами. Харкнул. Комок жвачки размером с кулачок трехлетнего ребенка улетел в кусты.

– Этого – в отбраковку, – кивнул на зверя Мастер – Потом

пакуйте обоих.

– Ща оформим, – ослабился Гвоздь. Челюсть его продолжала рефлекторно двигаться, словно жвачка не покидала законного места.

Сдернул со спины автомат, призывно махнул рукой Емеле, пошел к мохнатой туше. Напарник – за ним.

Деточкин и Мастер, согнувшись, рассматривали жран ноутбука, стоявшего на траве возле трупa. И не видели, как за их спиной Гвоздь вразвалку подошел к зверю, неизбежно приставил ствол к голове...

– Не нравится мне разрешающая способность, – ткнуч в сливающиеся на экране метки Мастер. – Получается, будто они чуть не друг на дружке лежат. А на самом.

Он не договорил.

Выстрел.

Оглушительный рык.

Вопль – истошный, оборвавшийся.

Еще выстрел.

Громкий хруст.

Мастер обернулся прыжком, пистолет в руке. Деточкин сделал то же самое гораздо медленнее, но успел увидеть косматую тень, таранящую кустарник. Не к ним – в сторону.

Бах! бах! – пистолет выплевывал пули вслед твари, безнадежно отставая от стремительного движения. Палец Деточкина давил и давил красную кнопку на пульте, хотя она ушла в корпус до упора.

...Рука Гвоздя по-прежнему сжимала автомат – палец на спуске, но валялись и оружие, и рука шагах в пяти от их мертвого владельца. Обломок кости белел среди лохмотьев мышц предплечья.

Емеля был пока жив. Сидел на земле – до синевы бледный, с безумными глазами. Вцепился обеими руками в горло, словно хотел задушить сам себя. Вцепился изо всех сил, но кровь густо шла сквозь скрюченные пальцы, заливая камуфляж.

– Уроды... – прошипел Мастер. Умиравший Емеля его не заинтересовал – отвернулся, поднял с земли коробочку, ранее крепившуюся к затылку зверя.

Пуля, скользнув по черепу твари, деформировала приемник-преобразователь. Электроды из платинового сплава (самые короткие) торчали во все стороны, как лапы раздавленного насекомого. Другие, длинные, – отломились, остались внутри мозга зверя.

Ноутбук был бесполезен. Если красная метка даже и не погасла – все равно застыла на том же месте. Слежение за объектом шло методом пассивной локации – по сигналу, идущему с приемника-преобразователя.

Мастер отшвырнул коробочку, опасливо огляделся. Охота в любой момент могла возобновиться – на них. Где тварь, они не знали.

Неведение продолжалось недолго. Вой – громкий, со сто-

роны близкого периметра. Мастер не сомневался и не раздумывал – подхватил автомат Емели, скомандовал Де-точкин:

– Бери тот ствол – и за мной!

Деточкин оторопело смотрел на оружие, стиснутое откушенной рукой. Губы дрожали.

– Живо!!! – рявкнул Мастер.

Деточкин наклонился за автоматом. Потрусил следом за Мастером. Не глядя, вслепую, отдирает от рукояти чужие мертвые пальцы. Вой оборвался.

Они выбежали к периметру – и остановились. Поливать очередями было некого. Наверху, на гребне стены, ветерок перебирал несколько клочьев длинной бурой шерсти, зацепившейся за шипы спирали.

– Прыгучий, сука, – неожиданно спокойно сказал Мастер. – Сколько он на воле продержится без ваших уколов?

– Ну так, это... электроды серебросодержащие... аргентизация уже началась... день, много два... и сдохнет...

Мастер сплюнул. За день-два объект может отмахать немало... Придется побегать по лесу с собаками, пока отыщется труп. Ладно, не страшно. Места глухие, безлюдные, хоть до Петербурга менее четырехсот километров. Никто чужой на мертвую тварь не наткнется.

Так что никакого ЧП. Маленькая техническая накладка, не более. Бывает.

Глава 2

Дичь...

Огромная косматая туша несется длинными прыжками. Не выбирает дороги. Кустарник трещит, гибкие ветви хлещут по морде.

Зверь счастлив – хотя не знает таких слов и понятий.

Исчезло отвратительное существо, вцепившееся в затылок и запустившее мерзкие лапы глубоко в мозг. Исчезла боль, заставлявшая зверя исполнять чужую и ненавистную ему волю. Затылок болит и сейчас – но это боль освобождения.

Голод. Зверь чувствует его постоянно – чудовищные мышцы сжигают чудовищное количество энергии.

Из тысяч самых разных запахов, доносящихся до твари со всех сторон, она выбирает один – запах еды. Меняет направление. Двигается медленно, аккуратно ставит лапы – и взлетает длинным, многометровым прыжком.

Запоздало вскочивший с дневной лежки заяц бьется на клыках, верещит истошно. Огромные челюсти чуть смыкаются. Зверь рычит торжествуяще. Пожирает добычу – со шкурой, со внутренностями. С трещащими на клыках косточками... Пищи мало. Голод приглушается, но не исчезает.

Тварь несется дальше, такими же огромными прыжками

– по прямой, словно стремится к какой-то цели...

Затылок почти не болит. Регенерация закончилась.

Охотник...

Леонида Сергеевича Ивашова – фактического владельца охранно-розыскного агентства «Святогор» и вице-директора по безопасности концерна «Фарм-Трейд инкорпорейтед», 1952 г.р., судимого, неженатого, – все называли прозвищем Мастер. Прозвище это не намекало, что его обладатель в совершенстве владеет боевыми или иными искусствами, и не было дано в булгаковском смысле, – просто напоминало о конкретном факте биографии Леонида Сергеевича.

В молодости он действительно отработал несколько лет мастером производственного обучения в одном из ленинградских ПТУ. Более того, заочно окончил Герценовский пединститут и подвизался уже в должности преподавателя. Учил воспитанников он не только обращению с металлом и инструментами. Вернее – не только с мирным металлом и с мирными инструментами. Учил и законам волчьей жизни, первый из которых – верность стае.

...Постепенно под водительством Мастера сплотилась спаянная железной дисциплиной и повязанная круговой порукой команда преступников-малолеток – беспощадно-жесточких и видящих врагов во всех обитателях внешнего мира. Мастера они не просто боялись или любили – боготворили. Порой попадались (хотя дела просчитывались филигранно),

шли в колонии и на малолетние зоны – но главного организатора не упоминали ни словом...

Впрочем, без урода семьи не бывает – и в 82-м году Мастер таки сел. Заложившего его пацана удавили в детской колонии. Ночью, куском провода. Душили медленно – по заключению судмедэкспертов, умирал не менее получаса. Потом изуродовали остывающий, перемазанный калом труп (перед смертью обделался) – выковыряли глаза алюминиевой чайной ложкой...

Дичь...

Мыслей у твари нет. Лишь самые простые, едва осознанные ощущения.

Голод. Голод. Голод. Голод. Запах. Другой. Вкусный. Пища. Туда. Осторожно. Осторожно... Прыжок! Пища. Хорошо. Но мало. Дальше. Дальше. Запах...

...Медведь (в отличие от незадачливого зайца) почуял тварь издалека – и не испугался. Он не привык бояться в своих владениях никого, кроме человека. Но опасностью – маслянистым железом, порохом, испарениями человеческого тела – со стороны приближающейся твари не пахло.

И медведь не сразу отвлекся от дела – от исследования внутренностей огромного муравейника и поедания его обитателей. Только-только закончилась пора жестоких медвежьих свадеб, сопровождаемых кровавыми драками между самцами – истощенные силы топтыгина нуждались в под-

креплении.

Но чужой запах упорно приближался к хозяину леса. Медведь неохотно оторвался от муравейника, повернул морду, рыкнул предупреждающе. Раздался ответный рык.

Медведь поднялся во весь рост – обманчиво-неуклюжий, обманчиво-медлительный. Но способный сломать спину лосю или разmozжить волчий череп молниеносным ударом лапы. Зарычал громко, угрожающе...

Тварь прыгнула.

Вооруженная огромными изогнутыми когтями лапа была быстра – но запоздала...

Тварь отлетела, отброшенная, предварительно выдрав из медвежьего брюха огромный кусок шерсти, кожи и мяса.

Ослепленный болью и яростью медведь ринулся вперед – не понимая, что всё для него кончено.

...Мясо. Много мяса. Кровавого, еще живого. Хорошо. Зверь жрет торопливо. Раны на его боку перестают кровоточить, затягиваются, рубцуются...

Охотник...

В 83-м году, на зоне, Мастер впервые убил человека, – сам, своими руками. Вогнал заточку, сделанную из гвоздя-двухсотки, в ухо спящему мужику, – ничего против него, в общем-то, по жизни не имея.

Затем, небрежно подпоров матрас, спрятал оружие убийства на шконке человека, от которого действительно хотел

избавиться. Как и следовало ожидать, при последовавшем шмоне заточка была найдена.

Однако – задуманное не вышло. Заподозренный ходил в подручных у тамошнего авторитета, тот вступился, – и убийство взял на себя забитый и запуганный петух...

Но Мастер навсегда запомнил то небывало-прекрасное ощущение, когда после короткого движения твоей руки живое тело становится мертвым – и словно бы отдает тебе частицу души, или жизненной силы, или чего-то еще, – Мастер не задумывался над точными определениями. Но убивать ему понравилось.

Дичь...

Движения твари замедлились. Она не понимает, что происходит. Снова пришла боль – вцепилась миллионами коготков в каждую клеточку огромного тела. Тварь воеет. Вой звучит почти жалобно. Массивная туша еще продолжает куда-то двигаться, словно надеясь убежать от боли.

Задние лапы (и вся задняя часть тела) отказывают внезапно. Очередной прыжок подламывается, зверь падает. Вой сменяется полузадушенным клекотом.

Судороги скручивают мышцы. Тварь бьется в конвульсиях. Рвет когтями передних лап сама себя – будто хочет докопаться до источника боли и выдрать его с кусками собственной плоти. Ключья шерсти летят в стороны. Через некоторое время конвульсии замирают. Туша лежит неподвижно.

Мертво.

...Спустя два часа существо шевельнулось. Попыталось встать. Упало. Упрямо попыталось снова. Шерсти на нем уже не было – валялась вокруг спутанными комьями. С голого тела опадали сгустки розовой слизи...

Существо наконец утвердилось на четырех конечностях, прыгнуло – раз, другой. И свалилось. Прыжки были неуклюжими, неловкими. Непохожими на давешние стремительные движения. Существо зарычало. Поднялось на задние лапы. Шагнуло. Потом еще, еще, еще... Зашагало быстро и на вид целеустремленно, будто и в самом деле имело цель...

Охотник...

В 89-м он вышел на свободу – три года скостили за образцовое поведение.

Семь лет, проведенные Мастером за колючкой, преобразили страну. Наступили совсем иные времена. Из темно-загадочных глубин неторопливо всплывали на поверхность киты теневой экономики, превращаясь из ходящих под статью цеховиков в законопослушных и уважаемых бизнесменов. А вокруг тех китов немедленно начинали роиться акулы, и барракуды, и пираньи – чей аппетит ограничивался исключительно размерами зубов и глоток. Голова кружилась от заманчивых возможностей и перспектив.

Чтобы восстановить команду, не пришлось даже прилагать излишних усилий. Былые ученики потянулись к нему

сами – и приводили молодых волчат с подростшими зубками.

Пришедший первым мордovorот с литыми кулаками и стрижкой «ежиком» (семь лет назад бывший прыщавым пятнадцатилетним пацаном с садистскими наклонностями) вручил Мастеру подарок – аптечную склянку, залитую спиртом. В спирте плавали два человеческих глаза. Верный этот ученик носил прозвище Ахмед...

...Новая команда Мастера заявила о себе быстро и громко. Время было веселое – едва поделенную собственность тут же начинали переделывать по новой. Патронов никто не жалел, сообщения криминальной хроники напоминали фронтовые сводки. Закон Дарвина работал в чистом виде – сильные поедали слабых с аппетитным чавканьем... Запуганные бизнесмены выносили деньги на тарелках с голубыми каемочками. Казалось, так будет всегда.

Но ничто не вечно под луной. Как-то потихоньку, незаметно, исподволь беспредел цивилизовался. Приоритеты и ценности сменились. Доблестью стало не лихо перемочить на стрелке десяток коллег-конкурентов – но наладить с ними приемлемое сосуществование. Бизнес креп, складывались финансово-промышленные империи, королевства и графства, которые заводили свои службы безопасности, – и были уже не по зубам рыцарям утюга и паяльника...

Мастер не повторил судьбу наиболее отморозенных коллег, не вписавшихся в новый расклад, – и мало-помалу отстрелянных и взорванных. Мастер вовремя понял, что время

вольного кондотьерства прошло – и встал под чужое знамя. Был не последним человеком в крупном концерне, принадлежавшем старому знакомцу по зоне, раньше других понявшему, что самому делать бизнес выгоднее, чем доить бизнесменов. Вроде все шло хорошо, но... Но не хватало самого главного. Того бесподобного ощущения – когда одним движением руки делаешь живое тело мертвым, и выпущенная тобой душа проходит сквозь тебя, и сливается на мгновение с тобой, и заставляет все твое существо трепетать в безумном наслаждении...

Когда на горизонте замаячил «проект W» – от которого за версту шибало кровью – Мастер сделал все, чтобы взять его под контроль...

Глава 3

Птица – небольшая, пестрая – перепрыгнула с ветки на ветку, клюнула гроздь желто-зеленых ягод... Чок-чок – крикнула резким голосом.

Человек проснулся мгновенно. Открыл глаза и увидел птицу у себя над головой.

Дрозд, подумал он. Совсем молодой, слеток. А дерево – рябина. Незрелая... Что подумал при этом молодой дрозд – неизвестно. Вспорхнул, напуганный движением человека, улетел.

Человек поднялся на ноги, осмотрелся. Вокруг была лесная поляна, залитая солнцем. Мачтовые сосны, между ними низкорослые рябинки. Мягкий мох, кустики черники...

Лес, подумал человек с удивлением. Как-то он оказался в лесу. Зачем-то спал прямо на мху... Он опустил глаза, словно надеясь увидеть что-то, проясняющее этот факт. И обнаружил кое-что – отнюдь не добавившее ясности. Человек был полностью обнажен.

Он огляделся еще раз, внимательнее. Прислушался. Рядом и вокруг ни одежды, ни каких-либо других вещей. Звуков, выдававших близкое или далекое присутствие других людей, тоже не слышалось.

Интересные дела. Проснуться не пойми в каком лесу в костюме Адама, тихо-мирно уснув перед этим... Мысль обо-

рвалась. Человек не вспомнил, где и как он уснул.

Оставался вариант, что такое экстравагантное пробуждение – на самом деле сон. Почему бы и нет? Разные сны бывают.

Человек подошел к сосне, провел рукой по необъятному стволу, отковырнул чешуйку коры. Размял в пальцах, поднес к лицу, вдохнул смолистый аромат... И решительно отбросил версию о сне. Реальность. Бредовая, но реальность.

Вариант: шутка. Милая дружеская шутка после попойки на чьей-то даче... На чьей? В честь чего был банкет? Человек не помнил ничего.

– Э-ге-гей! – прокричал он во всю силу легких.

Голос показался хриплым, громким и незнакомым. Эхо прокатилось над поляной – другого ответа не было.

Он присел на поросшую мхом кочку – привести мысли в порядок. И почти сразу поднялся. Как спал-то в голом виде? Шишки и иголки кололи неприкрытую кожу, муравьи тут же отреагировали на вторжение зудящими укусами...

Ладно, вспомнить цепь событий до момента обрыва пленки можно и стоя.

Через пару минут человек снова сел – нет, рухнул, – на ту же кочку, не чувствуя ни шишек, ни иголок, ни муравьев.

Он не сумел вспомнить ничего. Ничего из всей прошлой жизни. Даже своего имени – не сумел. Он знал и мог назвать любой из окружающих предметов – но понятия не имел, где, когда и как к нему пришло это знание.

Странно, но страха не было, растерянности тоже. Эти чувства остались где-то далеко позади, в непроницаемом тумане беспомощности.

Жизнь началась здесь, на лесной поляне – с чистого листа. Надо было как-то жить...

Обнаженный человек шагал по лесу – быстро и на вид целеустремленно.

Хотя цель у него была одна – стараться идти по прямой, не сбиться на бессмысленное кружение. Ориентировался по солнцу, выбирал приметное дерево-ориентир, шагал к нему, повторял цикл снова... Рассудил он просто – прямой путь куда-нибудь да приведет. К ограде дачного поселка, тропинке, дороге, просеке. К людям. А думать о причинах сложившейся ситуации можно и на ходу...

Слово, обозначающее произошедшее с ним, всплыло почти сразу. Амнезия. Потеря памяти. Болезнь.

Хорошо. Логично. Но что должен увидеть больной человек, придя в себя? Правильно – больничную койку и заботливый взгляд врача. На худой конец – медсестры. На совсем худой – равнодушно-скучающий взгляд соседа по палате. Но уж никак не чокающего на ветке дрозда...

Хотя...

Он ничего не смог вспомнить о болезнях, сопровождаемых амнезией, о других их симптомах. Мало ли какие психические сдвиги бывают. Мог войти в лес, как в собственную ванную, на ходу раздеваясь и развешивая на кустах одежду...

Такая версия совсем не нравилась человеку. И он вернулся к прежней, казавшейся более безобидной – к амнезии алкогольной. Головная боль и сухость во рту как будто подтверждали этот вариант. И где-то в глубине организма нарастала другая боль, непонятной природы, – но шагать пока не мешала...

...Тем временем прямой путь привел в глухотесье. Местность понижалась, сосны сменились мрачными елями и густым подлеском. Солнце сюда почти не пробивалось – и человек впервые почувствовал холод. Ветки царапали кожу. Вокруг гудели комары, но почему-то не кусали, он мимолетно удивился этому. Комары должны кусать – это он помнил точно.

Заросли становились гуще, он подумал, что выбранный способ передвижения может вывести не к просеке или тропе, а заманить в непроходимую чащу или болотную топь. Сменить направление? Ничего решить он не успел. Почти из-под ног с шумом выпорхнули птицы. Несколько, довольно крупные.

«Выводок рябчиков?» – неуверенно подумал человек. Вполне может быть, он не слишком хорошо успел их разглядеть. Может, и не рябчики, но наверняка что-то съедобное... Он внезапно понял, что за нарастающая боль глодала его изнутри. Голод. Самый банальный голод...

Птицы далеко не улетели. Расселись на ветках нескольких соседних деревьев и тут же исчезли – пятнистое оперение за-

терялось среди ветвей и листьев. Он видел только одну, которую проводил глазами: распласталась на сучке ольхи, застыла неподвижно. Человек приближался к ольхе осторожно. Подкрадывался. Но сам не понимал, зачем. Даже камня, которым можно было бы подбить предполагаемого рябчика, не было...

Расстояние сокращалось. Откуда-то со стороны – тонкий, едва слышный птичий посвист. Старка? Созывает испугнутый выводок? Похоже на то: птица на ольхе шевельнулась, подняла голову – и снова замерла.

Человек прыгнул.

Длинным и высоким прыжком. Совсем чуть промахнулся по взлетевшей птице, рухнул на мягкий ковер мха – в руке осталось пестрое маховое перо...

Прыжок отдался в голове раскалывающей болью. Человек машинально поднес руку к затылку – и отдернул. Пальцы ощутили не гладкую поверхность кожи – нечто неровное, бугристое, отдавшееся болью... Запекшаяся кровь? Голова разбита? Вот и еще одна возможная причина амнезии...

Холод и голод стали ощутимее. Человек отбросил перо, посмотрел на точку, с которой прыгнул. Хмыкнул удивленно. По его смутным воспоминаниям подобный прыжок мог потянуть на олимпийский рекорд...

Впрочем, грош цена была сейчас его воспоминаниям.

Местность понижалась не к болоту, как он того опасался.

К крошечному лесному ручейку, бегущему по дну тенистой, мрачной лощины.

Лишь услышав журчание, человек понял, как страдал от жажды. Проломился сквозь густую прибрежную растительность, прыгнул в воду. Черпал ладонью, потом опустил на четвереньки, припал губами к холодной струе – и долго не мог напиться.

...По берегу он не пошел – русло сильно петляло, а подлесок у воды стоял непроходимыми джунглями. Человек поднялся на край лощины. Двинулся вниз по течению ручья, срезая изгибы русла.

Он понятия не имел, откуда знает это незамысловатое правило выживания для заблудившихся в лесу: всегда идти вниз по течению любых водных потоков. Но – знал. Ручьи впадают в реки, вдоль рек живут люди.

Человек шагал механически, как заводная игрушка. Размышлять о причинах произошедшего перестал – нечего изощряться в пустых догадках. Способность логично мыслить его не покинула, но ничего не стоила без вводной информации. Ясно одно: ничто бесследно не исчезает и ниоткуда не появляется. Если на лесной поляне вдруг обнаружился голый мужчина – значит где-то он пропал. Значит, кто-то его ищет. Так что стоит побыстрее найтись. И для начала хотя бы узнать свое имя. Ему казалось, что воспоминания набухают в мозгу, готовые прорваться – и не хватает им лишь малого толчка...

Кое в чем человек ошибался. Но в одном был прав.
Его искали.
Весьма активно.

На песке валялась большая груда темно-бурой шерсти, отдельные клочья были отброшены на несколько метров. От комьев слизи – кровянистой, липнущей к подошвам – исходило зловоние. Больше ничего здесь, на песчаной осыпи, спускавшейся с поросшего соснами холма, не оказалось.

Два ягд-терьера, натасканные на одну-единственную дичь, тыкалась носами в находку и не желали идти дальше. Финиш. Конец следа.

– Это вы называете аргентизацией со смертельным исходом? – спросил Руслан. – По-моему, для этого есть другое определение. Ремиссия. Полная спонтанная ремиссия.

И он посмотрел на Мастера и Деточкина. Очень нехорошо посмотрел. Деточкин подумал, что глаза у него рысьи – зеленые с желтизной. Хотя меряться взглядами с крупными представителями семейства кошачьих главному технарю Лаборатории не приходилась. Но возникла такая вот ассоциация. Может, причиной тому была пластика Руслана – мягкая, хищная.

Мастера не испугал взгляд начальника службы безопасности. Они давно были не в особо дружеских отношениях – с тех пор, как у Лаборатории появились новые спонсоры и привели своих людей. В том числе и Мастера. Глухая вражда

тлела почти год, но до серьезного конфликта пока не дошла. Пока. До позавчерашнего инцидента, в котором, как ни крути, были повинны подчиненные Мастера.

Ничего, думал Мастер, зыркой сколько угодно. Кончается твое время.

Деточкин попытался разрядить тяжелое молчание:

– Может, он того? Ну, сдох, в общем... А кто-нибудь нашел труп-то... Ну и забрал... Чего валяются, правильно?... К участковому повез, скажем...

Его собеседники не удостоили ответом эту версию. Спецгруппа, прибывшая по срочному вызову вместе с Русланом, в разговоре не участвовала, стояла поодаль.

Потом они двинулись по следу, уходящему от кучи шерсти вверх, к обрыву. След оказался нечетким, высохший песок позволял лишь понять, что здесь кто-то двигался. Обрыв был невысок, наверху – тонкий слой дерна с торчащими корнями. Из-под него порой сползали новые порции песка, более влажного.

На одной такой мини-осыпи четко отпечатались отнюдь не лапа – босая человеческая нога.

Он остановился резко, едва затормозив на краю обрыва. Это была река.

Отсюда, с высокого берега, открывался шикарный вид – человек не обратил на него внимания. Он высматривал главное. И не видел ничего – ни жилья, ни моста, ни пристани

или причала... Лес на этом берегу, лес на том – низким, болотистом. Источником механического звука был старый, в потоках ржавчины, буксир, тащивший по реке баржу-лесовоз. До буксира было меньше километра, и он приближался.

Человек с трудом удержался от того, чтобы закричать, замахать руками, привлекая к себе внимание... Подумал, что никто не станет приставать с груженной баржей, увидев на берегу орущего нудиста, – почему-то в этом сомнений не возникало.

Придется нлыть.

Человек потер лоб, пытаясь вспомнить, входит ли искусство плавания в число его умений. Не вспомнил ничего и стал спускаться, почти скатываться с обрыва...

Солнце клонилось к закату, когда человек услышал слабый звук.

Лес был полон звуками, негромкими, порой непонятными, но этот оказался особенным. Механическим. Далеко впереди работало что-то, созданное людскими руками.

Он посмотрел на ручей. Русло уходило в сторону от направления, в котором слышался звук. Лощина за минувшие часы и километры стала шире и глубже, превратилась в огромный овраг с крутыми склонами. Человек, не раздумывая, расстался со своим журчащим проводником. Поспешил, позабыв про голод, головную боль и усталость – туда, откуда доносилось слабое тарактение.

Деревья впереди расступались, редели. Лес кончался.

Звук усиливался, слегка смещаясь. Шоссе? Поле с работающим трактором? Неважно. Он нашел, что искал – людей. Человек перешел на быстрый бег.

Глава 4

Гольцов матерился и драил палубу – причем первое делал гораздо энергичнее, чем второе. И виртуознее – замысловато-физиологичные, лексические конструкции изящно вплели в себя Северо-Западное речное пароходство вообще и буксир БР-58 в частности; и романтику дальних странствий, на которую Гольцов так дешево купился; и утопленный поутру дюралевый багор, который Дергач пригрозил вычесть из невеликого гольцовского жалованья. Швабре, постоянно слетавшей с ручки, тоже порядком доставалось.

Большие и малые боцманские загибы, разносившиеся над палубой, отличались литературно-правильным построением фраз – Петя Гольцов перешел на третий курс литфака. Идя по стопам Джека Лондона, он трудоустроился на лето в речное пароходство – дабы познать жизнь и набраться впечатлений для будущих шедевров изящной словесности.

К концу третьего рейса Гольцов пришел к выводу, что ему гораздо ближе творческая манера Жюль Верна, как известно, описывавшего романтику далеких морей, не покидая уютного кабинета. Жизнь проплывала мимо, пока Петя приводил дряхлое суденышко в надлежащий вид – и познаваться как-то не спешила...

Потоки воды катились по наклонной палубе к низко сидящей корме буксира. Гольцов двигался за ними. Дело шло

к концу.

Он отложил швабру, подхватил ведро, привязанное к веревке, замахнулся – действия сопровождались лихо закрученной тирадой, апогей которой должен был совпасть с выплескиванием воды за борт.

Над фальшбортом показалась рука – перед самым носом Гольцова.

Пальцы вцепились в нагретый солнцем металл. Изумленный Петька не успел сдержать богатырский замах – и щедрая порция грязной воды угодила в голову подтянувшемуся над фальшбортом человеку. Человек замотал головой, зафыркал, как кот, и перевалился на палубу.

Ведро звякнуло о деревянное покрытие. Гольцов открыл рот – и закрыл, ничего не произнеся. Онемел он не от страха, скорей от удивления.

Человек – рослый мужчина, с неестественно белой для летнего времени кожей, – протирал глаза и тоже молчал. Пауза затягивалась.

Сцена приобретала сюрреалистичный оттенок, усиливаемый тем, что незванный гость был совершенно голый. На нем не было не только плавок, но и не единого волоска на голове и теле – отсутствовали даже брови и ресницы.

Наконец, дар речи вернулся к Пете. И он постарался, чтобы речь эта оказалась достойна будущего писателя.

– Рад приветствовать вас на борту нашего скромного судна, – любезно сказал Гольцов, изобразив ручкой швабры

некий приветственный артикул. – Простите, вы русалка мужского пола? Так сказать, Хомо Ихтиандрус? Или жертва кораблекрушения?

Мужчина молчал. Гольцов не знал, что сказать еще.

– Отскичь, Петруха! – услышал он. Не от гостя – из-за спины.

Обернулся, увидел – моторист Зворыкин выскочил, лицо перекошено, в руках обшарпанная «тулка», ствол нацелен в живот ему, Петьке.

– От...би, говорю! – рявкнул Зворыкин.

Петька отпрыгнул, сообразив, что целятся не в него.

– А ты – за борт, живо! Давай, давай! – орал моторист, делая угрожающие жесты одностволкой. – Не хрен тут! Взяли, бля, моду! Прыгай, сука! Пристрелю! Ни хрена за тебя, уркана, не будет!

Голый и безволосый пришелец прыгнул. Но не за борт – в сторону.

Петька, опасливо смотревший на ружье в руках Зворыкина – неужели пальнет-таки? – не уследил за прыжком. Увидел, что мужик оказался в другой точке палубы. Еще один прыжок – быстрый, едва уловимый глазом. Гольцов понял, что голый сокращает дистанцию рваным зигзагом и сейчас.

– Отставить!!! – громыхнуло над палубой.

Моторист опустил «тулку», автоматически выполнив приказ. Потому что голос, никогда не нуждавшийся в мегафонах принадлежал Прохору Савельевичу Дергачеву, капитану

буксира БР-58.

– Мы рождены, чтоб сказку сделать былью... – продекларировал Генерал с нехорошей улыбкой.

Эскулап молчал. Знал прекрасно – когда начальник начинает цитировать старые песни, то рот лучше лишний раз не раскрывать.

– Три дня назад банальный опыт по банальному телеуправлению банальным объектом весьма оригинально закончился, – сказал Генерал. – Объект перемахнул периметр и бесследно исчез.

Эскулап остался невозмутим:

– Что же тут оригинального? Дело Колыванова, вторая серия. Только закончится все быстро. Теперь без поддерживающих инъекций на воле долго не протянет.

– Уже не протянул. Перекинулся.

Эскулап не понял:

– Сдох?

– Пе-ре-ки-нул-ся. Как в старых добрых сказках про оборотней. Раз – и снова человек.

– Где он? Вскрытие проводили? Почему меня не известили сразу же?

– Хотел бы я знать – где? И хотел бы иметь уверенность, что все-таки потом сдох... Но с места, где произошла ремиссия, ушел на своих двоих. И протопал как минимум несколько километров. Дальше след потерян – на берегах болоти-

стой речушки.

Эскулап молчал, переваривая услышанное. Потом спросил:

– Есть вероятность взять живым?

– Вероятность всегда есть. Но меня интересует другое. психическое состояние бывшего объекта. Кого мы сейчас ищем? Животное? Человека? Если человека, что он может помнить о своем недавнем прошлом?

Эскулап ответил осторожно:

– Не один из подвергнутых аргенторемиссии пикантропов вновь человеческую психику не обрел. Но, с другой стороны, никто из них и нескольких километров бы не прошел – быстро умирали, несмотря на все наши старания. Мне нужен этот экземпляр. Желательно живым. На худой конец – свежий труп.

– Ищем. Но места глухие, безлюдные. Сдохнет – и может месяцами под кустом валяться, на радость сорокам да воронам. Кстати: маленький, но интересный нюанс – беглый объект из партии «лямбда-2».

– Проще говоря – из «лысых»?

– Из них, из них... А это значит – если труп найдем не мы, то есть вероятность, что его идентифицируют. Небольшая, но есть. Поэтому я отзову Руслана из Логова, нечего ему по лесам шататься. Если наш потеряшка выйдет к людям, выйдет живым, и если кто-то и как-то его опознает – здесь все должно быть готово к встрече.

– А кто будет руководить поиском там? В Логове?

– Мастер.

Это короткое слово прозвучало в устах Генерала как ругательство. Эскулап сделал вид, что не заметил. Помолчал и сказал:

– Мне надо вылететь в Логово. Поднять все записи в лабораторных журналах, все результаты анализов и тестов, короче – перелопатить все, что делали с этим экземпляром.

У Генерала идея восторга не вызвала.

– Все записи и результаты можно доставить сюда, – сказал он сумрачно.

– Хочу все осмотреть на месте. В истории науки такое бывало – открытия делались не то что случайно, но просто по небрежности. Похмельный лаборант перепутал флаконы с реактивом, или намудрил с дозировкой...

– Хорошо. Поезжайте. Но одно условие: обо всех результатах – как положительных, так и отрицательных – не сообщать даже по нашим каналам связи. Доложите по возвращении. Мне. Лично.

Вот даже-как, подумал Эскулап. И ничего не сказал вслух.

Тридцать лет, подумал Эскулап, возвращаясь от Генерала к себе, в третий блок. Именно столько мы делали сказку былью. И сделали таки. Одна беда – сами не знаем, каким образом.

Тридцать лет назад появился на свет документ, сразу угодивший под гриф «совершенно секретно». Сводный доклад

Марченко – Чернорецкого. Марченко давно мертв, а фамилию Чернорецкий носил тогда Эскулап. С тех пор у него было много фамилий...

Порой Эскулап задумывался, как повернулась бы его судьба, если бы серьезные люди, принимавшие невидимые миру решения, просто бы посмеялись, прочитав тот документ... Доклад, в котором сводились воедино все бесчисленные, кочующие по странам и континентам истории о людях, способных спонтанно либо сознательно превращаться в зверей, в опасных и почти неуязвимых тварей. Если бы главный вывод документа: во всех легендах и историях есть зерно истины – не восприняли бы серьезно, то...

То что бы со мной тогда было? – думал Эскулап. Докторскую защитил бы, конечно, позже, – но под своей фамилией. Сидел бы на какой-нибудь теме, в каком-нибудь НИИ, бедствовал бы в голодные для науки девяностые...

Но все произошло так, как произошло. Серьезные люди приняли доклад серьезно. И дали приказ: найти пресловутое рациональное зерно, очистить от шелухи и предоставить пред светлые очи начальства. Средств на подобные проекты в те годы не жалели – и карусель завертелась. Тридцать лет...

А шестнадцать лет назад был достигнут их главный успех. Полученный штамм впервые превратил человека во что-то иное – как физически, так и психологически... Тогда же во главе темы встал Генерал. Был он не ученый и не администратор от науки, псевдоним его вполне совпадал со звани-

ем. Генерал невидимой армии, ведущей невидимую миру войну.

С тех пор они продвинулись вперед, далеко продвинулись, но... Но успехи были локальные и половинчатые. Чудодейственные снадобья, грозившие перевернуть и обрушить все медицину вкупе с фармацевтикой, обладали либо крайне избирательным действием, либо чудовищными побочными эффектами.

И вот теперь наметился прорыв. Менявший очень многое.

И в первую очередь – для Эскулапа лично...

...Он шагал все медленнее, и остановился, не дойдя до третьего корпуса. Тяжело привалился к стене. Режущая боль внутри, справа, нарастала. Эскулап выдернул из кармана плоскую фляжку, сделал несколько торопливых глотков... Постоял, прислушиваясь к ощущениям.

Полегчало.

Но в последнее время к безотказному лекарству приходилось прибегать всё чаще и чаще.

Матросская роба – новая, хрустящая – покалывала под мышками. В отдраенный иллюминатор светило красное закатное солнце, выхватывая лицо гостя, как театральным прожектором. Сам Прохор Савельевич оставался в тени. Собеседник капитана подозревал, что усадили его так не случайно. Но не протестовал, хотя солнечный свет был ему неприятен.

Горлышко бутылки звякнуло о граненую стопку, о другую (капитан, выставив из своих запасов бутылку «для сугреву», и сам не преминул воспользоваться оказией).

Выпили.

Дергачов похрустел огурцом, подцепил из миски вареную сардельку. Лицо у него было простецкое – круглое, добродушное. Морщинки у глаз, нос картошкой. Но глаза смотрели на гостя цепко, изучающе.

Прожевав закуску, сказал:

– Насчет урки беглого Зворыкин, едрень его, погорячился, ясный день. И не в том даже дело, что тут, на Свири, лагерей нет поблизости. Вот дальше к северу хватает, и наглядился я на зеков – и беглых, и просто расконвоированных... Их во что ни одень – глаза выдают. Настороженные зенки, злые и ко всему готовые. Знаешь, у собак, у бездомных, – совсем другой взгляд, чем у тех псов, которые при хозяевах живут. Вот и урки так же смотрят, как псы бездомные...

Человек слушал молча. Стопроцентной уверенности в правоте Прохора Савельевича у него не было. Ни в чем другом, впрочем, то же.

Капитан продолжал:

– А насчет истории твоей темной и запутанной есть у меня мыслишка. Видывал я таких, на тебя похожих... Сдается мне, парень, что ты ликвидатор...

Гость посмотрел недоуменно. Слово «ликвидатор» ему ни о чем не сказало.

– Ну, в смысле, чернобылец... Что, и про это не помнишь? Едренть, крепко тебя жизнь приложила... Но ту историю я те пересказывать не буду. Может, и никакой ты не чернобылец, а где-то еще под облучение угодил... Был у нас тоже один такой, в пароходстве, с Северного флота демобилизованный – после нештатной ситуации на подлодке, на атомной. Чисто как поросенок опаленный; ни волосинки. Точь-в-точь, как у тебя...

– Его тоже в лесу нашли? Голого, под деревом?

– А ты, едренть, дослушай сначала, а потом юмор шути тут. Я как мыслю: что не захотелось тебе в городе-то жить на пенсию ликвидаторскую или военную, решил к природе поближе податься. На том берегу, откуда ты нырнул к нам-то – заповедник, Нижне-Свирский. Сдается мне, там ты и работал – егерем, или охотничьим инспектором, я в этом разбираюсь не сильно... Но что сейчас не сезон – знаю точно. Зворыкин, правда, по уткам все равно палит – но с оглядкой. Ну а в заповеднике, так там круглый год охота закрыта. Так вот. Думаю, прихватил ты там браконьеров. Они нынче-то отмороженные, в лес на джипярах гоняют, на вертолетах летают, с многозарядками импортными, чуть не с пулеметами, что им правила да сроки... Ну и шарнули тебе по затылку, бросили под кустом – думали, не оклемаешься. А у тебя, едренть, черепушка слишком толстая оказалась. Но память напроць отшибло. При таком раскладе, ежели прикинуть, где ты к реке вышел, то обход твой был где-то в районе Калачин-

ского урочища... Ничего похожего не вспоминается?

Человек покачал головой. Капитан настаивал:

– Ты сам рассуди: по лесу топал почти целый день – и не заплутал, в болото не влетел – ровнехонько к реке вышел, к людям. Да какой-нибудь городской до сих пор там, на поляне той, под кустом. сидел бы. Глотку бы сорвал, «Ау!» кричавши – и все.

Гость задумался. Действительно, по лесу он шел на редкость уверенно, не сомневаясь, – и уверенность эта казалась тогда сама собой разумеющейся...

Затем ему вспомнился момент в лесной одиссее, который мог поколебать логику Прохора Савельевича.

– Птицы у меня из-под ног взлетели, – сказал человек. – Вроде рябчики... А может и нет. Егеря сразу бы их узнал, не раздумывая.

Капитан разлил еще по одной.

Выпили, закусили и только после этого Дергачев возразил:

– Ерунда. Против солнца взлетели, да упорхнули тут же... Да будь ты городским, ты и слово бы «рябчик» не вспомнил. Им что рябчик, что глухарь, все едино. Кстати, кое-что и проверить можно... Подожди, я сейчас...

Он вышел из каюты, быстро вернулся с ружьем – с тем самым, которым моторист Зворыкин пытался пресечь попытку безбилетного проезда. Протянул гостю.

– Держи. Попробуй разобрать. Только быстро, не задумываясь...

Человек повертел одностволку в руках, переломил, заглянул в патронник – пусто. Подцепил пальцем стальную пластинку, потянул – цевье с щелчком отсоединилось. За ним последовал ствол. Последним на койку лег приклад с ложей.

– Все. Дальше без инструментов никак.

– Ну вот видишь. Вполне знакомое дело.

– Может, я просто охотник-любитель?

– Говорю тебе – не сезон. И вообще – заповедник.

– Ну, тогда браконьер...

– А кто тебе, едренть, по затылку-то вмазал? Медведь лапой? Потом раздел и ружье забрал, да? Инспекторам да егерям незачем такие шутки шутить – им штраф побольше слупить интересно. А в чужие какие разборки мне не верится. Не повезли бы тебя в такую даль, точно тебе говорю. Вот кабы там какое шоссе проходило... Егерь ты, ясный день. Ну а чтобы не кликать «эй, ты!» – предлагаю временно назвать тебя Иваном.

На протяжении этой тирады капитана его собеседник сидел, опустив веки. И, казалось, глубоко размышлял. На деле же он просто смотрел на Дергачева. Смотрел с закрытыми глазами.

Прохор Савельевич при таком способе наблюдения (и при солнечном свете, продавливаемом сквозь веки) выглядел совокупностью ярких пятен, сливающихся в разноцветную фигуру, отдаленно напоминающую контур человека. Одно из этих пятен казалось неприятным чисто физически – пуль-

сирующее, ядовито-оранжевого цвета... Что это было? Какой-то больной орган? Что-то другое? Может, раньше, в позабытой жизни, он был экстрасенсом? Народным целителем? Память – ее осколки, ошметки, клочья – подсказывала, что так быть не должно. Не положено видеть людей с закрытыми глазами. С ним, по крайней мере, не бывало. Фантом, галлюцинация?

– Э-э-э, да тебя никак в горизонт повело, – заметил капитан состояние собеседника. – Намаялся, едрень... Ты хоть слышишь, о чем я те тут толкую-то?

Человек открыл глаза.

– Я – егерь, – сказал он без всякого выражения. – Егерь Иван...

Хотя весьма в этом сомневался.

Глава 5

На закате Руслан вышел за периметр, на берег. Солнце тонуло в озере – протяженном, довольно узком, километра два в ширину, западным берегом уходящим к горизонту. Таких водоемов с кристально-прозрачной водой много тут, в северо-западной, европейской, тайге, что привольно раскинулась на границе Карелии и Ленинградской области (хотя сибиряки, понятно, слово «тайга» к тому, что растет западнее Урала, считают категорически неприменимым). И вправду – не Сибирь с ее полным на сотни верст безлюдьем – куда гуще население и тайга посильнее прорежена леспромхозами.

Хотя именно тут, у Логова, на многие километры окрест жилья не было. Под Питером такого не увидишь: большое озеро, живописное, – и ни одной лодки на воде, ни одной машины на берегах, ни одного купающегося-загорающего, вообще ни малейшего намека на пляж.

Курорт – шишкинские сосны-великаны, свежайший воздух... Северная Швейцария. Но у Руслана настроение было не курортное.

Второй день поисков результатов не принес – прошедший ночью дождь помешал работать срочно переброшенным сюда овчаркам (ягд-терьеры были натасканы брать единственный в своем роде след, прочие посторонние запахи игнорируя). Искали вслепую: три вертолета барражировали над ле-

сом, внимательно исследуя поляны, прогалины, долины лесных речушек – и десантируя небольшие мобильные группы в казавшиеся подозрительными места... Впустую.

К вечеру, как всегда и бывает в таких случаях, вопрос «что делать?» сменился на «кто виноват?». Мастер вину за собой и своими людьми признавать отказался категорически – во всем, дескать, виноваты яйцоголовые спецы Лаборатории, пустившие на испытания ненадежный и слабо закрепленный на башке зверя прибор...

...На воде расходились круги, раздавались чмокающие звуки, панически выбрасывалась из воды мелкая рыбешка – стая крупных окуней вышла на охоту. Руслан пожалел, что не прихватил спиннинг, рыбалка на озере была бесподобная.

Вот так и устроена жизнь – жестоко и справедливо, думал он. Окунь едят мелочь, мы – окуней, а ликантропы... Они тоже жрать хотят.

«Проект W» в своем нынешнем виде появился на свет, когда Руслан еще ходил в школу (комсомольский значок на груди, по утрам – политинформации об очередных победах перестройки). А попав в Лабораторию после училища, молодым лейтенантом, он угодил в сложившийся коллектив, со своими писаными и неписаными правилами и традициями... И секретами.

В секреты вновь пришедших посвящали медленно, осторожно, – и внимательно отслеживали реакцию. Многие оказывались непригодны и отсеивались. Уходили в другие под-

разделения Конторы, не подозревая, на периферии какой тайны им довелось побывать... Руслан не ушел. Остался. И постепенно, шагок за шагом, узнал все.

Сейчас он даже не помнил – был ли у него шок, когда стало ясно, чем занимаются вежливые и спокойные люди в белых халатах, охранять коих Руслан был призван. Наверное, не было шока... В него впадают, столкнувшись со странным и страшным в одиночку или в толпе объятых паническим ужасом людей... А когда вокруг работают уверенные профессионалы, от них поневоле заражаешься спокойным, даже циничным отношением к делу.

К тому же в зверей превращались не совсем чтобы люди. Бомжи, и без того сами себя низводящие до уровня животных...

В общем, то, что могло показаться кошмаром стороннему наблюдателю, для Руслана стало рутинной. Но недавно в этой рутине – или в кошмаре – появилось нечто новое...

Руслан сплюнул на песок.

Ему не нравилась сама идея – создать управляемого и неуязвимого монстра-киллера. Слишком часто приходилось видеть, как выходят из-под контроля просчитанные, казалось, до мелочей события. Еще меньше нравилась идея опробовать штамм-57 на абсолютно здоровых людях...

Но ничем помешать происходящему невозможно. ... Год назад у Лаборатории появился не то партнер, не то спонсор

– крупный фармацевтический концерн «Фарм-Трейд инкорпорейтед». Не заграничный, как того добивался в свое время Генерал и как можно было судить по названию, но наш, доморощенный, заполонивший рекламой все телеканалы. Съел «Эратозол» – и опять садись за стол, – Руслан снова сплонул, вспомнив навязчивый рекламный слоган, оглашаемый с экранов благодушным, смахивающим на Айболита доктором...

Довольно скоро Руслану стало ясно, что люди, которым принадлежал сей человеколюбивый бизнес, излишним благодушием не страдали. Скорее наоборот. Фармацевтика всегда манила криминал – и не единственно в свободном доступе к психотропным и наркотическим веществам было дело. Приносящее огромные барыши производство поддельных лекарств; огромный поток налички, текущий через аптеки; разработка и производство синтетиков нового поколения – наркотиков, не требующих импорта природного сырья, целиком производимых на месте. Девушки в белых халатах, стоявшие за аптечными прилавками, наверняка не знали, на кого в конечном счете работают... Руслан – знал: И ему это не нравилось.

Выгода от сотрудничества поначалу была очевидна – впервые за последние годы у Лаборатории перестала ощущаться нехватка средств. Они восстановили полигон взамен уничтоженного пять лет назад своими руками, привлекли новых людей, закупили новейшее оборудование... Службе

безопасности тоже достался изрядный кусок пирога.

«Но от этого куска – может, стоит назвать его бесплатным сыром? – изрядно несет тухлятиной», – думал Руслан, глядя как ели медленно теряют зеленый цвет, превращаясь в зазубренные контуры, словно вырезанные из черной бумаги. Совсем, впрочем, не стемнело – пора белых ночей была в самом разгаре.

Хозяином «ФТ-инк.» – настоящим, если не брать в расчет подставные организации, владеющие пакетами акций, – был некий господин Савельев. Руслан не был знаком с ним лично, но досье изучил хорошо. Путь г. Савельева к сотрудничеству с Лабораторией был вполне характерен для российской действительности постсоветских лет – бывший спортсмен, не снискавший особых медалей и рекордов, бывший глава команды, «охранявшей» только-только легализовавшихся предпринимателей от других любителей делить незаработанное... Савельев, чудом выжив в криминальных войнах начала-середины девяностых (его джип изрешетили из двух автоматов, убив шофера и охранника) ныне сменил имидж – стал вполне благопристойным и респектабельным бизнесменом. Но, как выяснилось, сохранил прежние волчьи повадки... В частности, очень не любил делиться. И сейчас неторопливо, но уверенно его люди перехватывали нити управления Лабораторией, отесняя старое руководство... Человек из окружения Савельева, курирующий «проект W», носил псевдоним Мастер. Создание дистанционно управляе-

мых монстров-киллеров было его идеей.

Сигнал висевшей на груди крошечной рации вывел Руслана из раздумий. К Полигону приближался вертолет – ожидаемый. Но на борту был человек, которого Руслан никак не ждал...

...Эскулап спустился по алюминиевой лесенке и грузно пошагал по бетону вертолетной площадки к встречающим. Руслан сдержал усмешку. Ради этой поездки главный медицинский спец Лаборатории натянул камуфляж – с трудом сходящийся на необъятных телесах комбинезон в сочетании с окладистой бородой и изрядной лысиной выглядел комично.

– Ну что, двоечники, опять прошляпили все, что можно, – прогудел Эскулап вместо приветствия. Прозвучало это, впрочем, достаточно дружелюбно.

Руслан ничего не ответил, молча пожал протянутую лопатообразную ладонь. Двое бойцов из охраны тоже молчали, не вмешк-заясь в разговоры начальства.

– Прикажи своим орлам вынести багаж из салона, – сказал Эскулап. – Черную сумку отдать мне, остальное в... ну, короче, где вы тут гостей размещаете...

– Где гостей размещаем? – переспросил Руслан, делая знак охранникам. – Вон там, в виварии, в клетках... Других, гостей тут не бывает.

Шутка у него получилась мрачноватая, но собеседник басовито расхохотался.

Бойцы шустро выгрузили пожитки из вертолета. Здоровенную черную сумку на длинном ремне Эскулап сразу повесил через плечо, и Руслан подумал, что там наверняка имеет место бутылка с «эликсиром здоровья» – и, как выяснилось впоследствии, не ошибся.

Кто первым назвал это серое здание Логовом, было уже и не вспомнить, но название прижилось, а затем стало служить неофициальным наименованием для всего объекта. Благодаря стараниями покойного Седого (и деньгам господина Савельева) бывший штаб части, неказистый снаружи, изнутри выглядел сейчас вполне пристойно.

Большое помещение на втором этаже – Руслан понятия не имел, что здесь располагалось раньше – было переоборудовано под гостиную в охотничьем стиле. Стены обшиты половинками неошкуренных бревен, на них трофеи – лосиные и медвежьи головы, чучела птиц, охотничьи рога... Трофеи были собственноручно добыты Седым – он любил охоту, а зверья в окрестностях Логова хватало.

За большим, на полтора десятка мест, столом сидели двое. И, в полном соответствии с антуражем, говорили об охоте. Правда, не на лосей и медведей. На человека.

– Я ничего не понимаю, Эскулап, – говорил Руслан. – За шесть лет я всякого насмотрелся и ко всему привык, но. Ведь сколько ни бились над полной ремиссией объектов – и вы, и Марченко, и покойный Доктор – ничего не получилось. Билет в одну сторону. Не может ликантроп стать человеком – и

остаться при этом живым. Все остальное – бабушкины сказки. Еще неделю назад я в это свято верил. А теперь... Как мне искать беглеца? И кого искать? Человека? Зверя? Он что, в любой момент может перекувырнуться через пенек – и тут же обрасти шерстью и отрастить здоровенные клыки? Или будет ждать полнолуния? И что у него творится в голове? Будет забиваться днем в дебри, в укромные места, а ночью выходить на охоту? Или вспомнит, что он человек, потянется к жилью, к людям?

Руслан замолчал. Хмуро посмотрел на издевательски скалящуюся со стены медвежью пасть. Потом добавил:

– В общем, я хочу знать, что из старых сказок может пригодиться в охоте...

Эскулап ответил не сразу – казалось, он был полностью поглощен одним занятием – дегустацией очередного варианта эликсира (Руслан, который завтра утром должен был предстать с докладом перед Генералом, не выпил ни капли).

– Сказки... Знаешь, Русланчик, все сказочные и мифические существа всегда четко делились на две категорий – на полностью выдуманных и имеющих под собой реальную основу. Первые являют из себя эклектичное и фантастичное сочетание деталей и органов реальных животных и иногда людей: грифон, сфинкс, кентавр, русалка. У вторых под позднейшими фантастическими наслоениями всегда можно выделить реальную основу. Единорог – явно самый обычный носорог в пересказах людей, в жизни с-ним не сталки-

вавшихся. Основой для драконов и прочих змеев-горынычей наверняка послужили крокодилы и гигантские удавы южных краев – ну и плюс порой попадавшие нашим предкам в горных выработках скелеты динозавров. Оттаивавшие по берегам северных рек туши мамонтов породили легенду о кроте-гиганте – подземном Индрик-звере, умирающем от солнечного света. В общем-то, отсюда следует, что у предков фантазия была не особо развита, и придумать что-то оригинальное они оказывались не в силах. Короче, ученые, интересующиеся легендарными тварями, выработали простой критерий – если некое гипотетическое существо составлено из двух или более реально существующих животных – то наверняка оно вымышлено. Ликантроп попадает именно в эту категорию – полу-человек, полу-волк. То есть – миф.

Словно в ответ на этот тезис Эскулапа из-за окна, от клеток вивария, донесся тоскливый многоголосый вой. Руслан поморщился и сказал:

– Что-то развылись наши мифы. Не к добру.

Эскулап не смутился наглядному (вернее – слышимому) опровержению своих слов и продолжил:

– Однако именно это старое правило заставляло долгое время относить вполне реальных существ к разряду вымышленных. Например, африканского окапи – весьма смахивающего на гибрид лошади, зебры и жирафа. Или австралийских ехидну и утконоса...

– И ликантропа? – поинтересовался Руслан.

– Не спеши, я к нему и веду... Так вот, описываемое мифами и сказками поведение тварей первой группы – всевозможных гарпий и сатиров – можно не брать в голову. А со второй группой сложнее... Там все, конечно, перевернуто изрядно, но до основы докопаться можно. По любому мифу о драконоборце нетрудно реконструировать, какая история послужила ядром для дальнейших наслоений – схватка ли с десятиметровым крокодилом-убийцей, или находка древними рудокопами костей тиранозавра.

– То есть все драконы, живущие в пещерах, на грудах золота, – это отголоски таких находок в штольнях?

– Естественно. При чем тут сокровища, тоже в принципе понятно. Рудники и шахты древности в основном бычи золотые и серебряные – уголь наших предков интересован мало, лесов тогда хватало.

– Тогда не ясно, отчего почти все эти драконы и шеи-горынычи в сказках летают? Неужели так часто попадачиь кости птеродактилей?

– Нет, скорее тут наложились реальные истории о смерчах, уносивших людей и животных. Но нас, Русланчик, легенды про драконье золото не интересуют Нам стоит просеять на мелком сите сказки об обороняк-вервольфах-перекидышах и посмотреть, что останемся на доньшке.

Руслан подумал, что просеивать и кроить уже поздно, надо действовать. Оставалось надеяться, что какие-то наработки у Эскулапа уже есть. Хотя откуда? Кто мог ждать, что

сказка вот так вот возьмет да и станет реальностью...

Он снова посмотрел на оскаленную медвежью башку. Неизвестный таксидермист был талантлив – казалось, зверь сейчас зарычит, сейчас бросится... Руслан вздохнул и стал задавать вопросы. Накопилось их много.

За окном брезжил рассвет.

Бутыль с эликсиром стараниями Эскулапа опустела, а голова Руслана, наоборот, была переполнена историями из книг про оборотней и вервольфов, перекидышей и кеноцефалов Людей-волков, людей-медведей, людей-лис.

Руслан с тоской подумал, что вся эта груда подробностей, вываленная из бездонной памяти Эскулапа, ничем ему в поисках не поможет. Потому что во всех сюжетах обнаруживали ликантропов на редкость однообразно. Либо вычисляли логическим путем на основании косвенных улик (интересно, сколько при этом пострадало невинных?). Либо обнаруживали у оборотней в их человеческой ипостаси характерные, не успевшие регенерировать раны, нанесенные зверю... Но это не зацепка. Конечности, на восстановление которых требуются дни, а то и недели, их объект не терял... А шрамы от пуль можно обнаружить лишь при детальном осмотре.

Значит, остаются обычные, проверенные временем оперативные методы...

Последний вопрос Руслан задал уже из чистой любознательности.

– А что говорит народная мудрость о первоисточнике яв-

ления? Откуда взялись самые первые ликантропы?

Голос начальника службы безопасности звучал устало, бессонная ночь сказывалась.

Эскулап, к удивлению Руслана, тоже выглядел не лучшим образом. А ведь не так давно о его выносливости рассказывали легенды... Болен чем-то? Руслан вдруг подумал, что за все годы их знакомства Эскулап ничем не болел. Ни разу...

– Вот с генезисом явления сложнее, Русланчик. Обычно источники лишь констатируют наличие людей с такими вот оригинальными свойствами... Лишь в мифах о кеноцефалах говорится прямо и четко: произошли от богопротивного сожительства людей и волков...

– Ерунда, – поморщился Руслан. – Как же, станет волк с кем сожительствовать. Живо в глотку вцепится. Это лишь собачек извращенные дамочки всяким штучкам-дрючкам учат.

– Не скажи, всякое в жизни бывает. Вот, к примеру, Доктора покойного в восемьдесят шестом поездкой по Африке премировали. Под бдительным приглядом, понятно, с группой туристов... Так их там чуть слон-самец не изнасиловал. Самым натуральным образом.

– Всех разом? – скептически спросил Руслан. – Или по очереди?

И подумал: «Сдает, сдает Эскулап... Раньше таких несмешных шуток от него не слышали».

– А ты зря губу кривишь... Дело было так: в Кении, в на-

циональном парке Серенгети, слоны отчего-то вдруг сильно размножились. Может, несколько удачных лет выдалось, на корм изобильных, может еще отчего, не знаю. Но размножились. И стало им в национальном парке тесно и голодно. Начали промышлять за его границами, по окрестным полям. А слон, сам понимаешь, не мышка, по зернышку в норку таскающая. Две-три таких животинки ночью в поле похозяйничают – считай, бедняги негры без урожая остались. Стали аборигены на них охотиться, хоть запрещено это категорически, под угрозой тюрьмы... Стреляли, понятно, украдкой, из обычных винтовок. А на слона штуцер нужен, калибра так десятого, а лучше восьмого. Результат: медленно погибающие слоны-подранки плюс растоптанные ими горе-охотники. Тут западные «зеленые» придурки всполошились: ах, как негуманно! жестокость и варварство! А правительство Кении к ним куда как прислушивалось – больше половины валюты в страну от интуристов шло... Но неграм, что без урожая оставались, вопросы гуманизма по барабану. Или по там-таму. Короче, выдали друзья природы глобальный проект: контрацепция слонов в течении нескольких лет. Чтобы, значит, сократить численность гуманным способом. Ну, «зеленые» фонды отстегнули гранты, закупили гормональные препараты в слоновьих дозах – тормозящие овуляцию у слоних-самок. Кликнули клич, добровольцы-«гринписовцы» со всего мира прискакали слонов спасать... Приступили к акции. Но тут вышла заковыка. Это только в сказке доктору

Айболиту и слониха, и волчица попку покорно под укол подставляли. А в жизни попробуй-ка, даже из ружья, даже на расстоянии... Разъяренный слон, даром что травоядный, по первое число выдаст. В общем, добровольцы стали ампулами в них сверху пулять, с вертолетов. Но оттуда под хвост не заглянешь, самец или самка – не понять. В общем, стали инъектировать всех, без разбора. Для надежности. И тут началось самое интересное. Оказалось, на слонов-самцов этот препарат очень специфично действует. На манер виагры. И действие длительное... А у самок как надо сработало – овуляции пропали. Но слониха, надо сказать, к себе самца подпускает, лишь когда способна к зачатию, а силком на такую многотонную партнершу не больно-то запрыгнешь... Вот и представь коллизию: носятся по Африке возбужденные сверх всякого приличия слоны – хоботы трубят, глаза кровью налиты, уши по ветру развеваются, мужское хозяйство в полной боевой готовности...

Руслан представил. Впечатляло.

– Уж они и за самками гонялись, и даже за самцами молодыми – ничего не обламывается. И от такой жизни слоны последний ум потеряли, стали набрасываться на все крупное и движущееся... На носорогов. На грузовики. И на автобусы с туристами, что по Серенгети, по специально проложенным дорожкам ездили. И угораздило группу Доктора как раз на такого самца напороться... Хорошо, водитель уже знал, что к чему – по газам ударил и оторвался. А поначалу всякое бы-

вало. Слоны обычно в Серенгети мирные и к автотранспорту привычные. Да и туристы просят: подпустите поближе, дайте кадры уникальные сделать... В общем, и автобусы были расплющенные, и люди раненые.

Руслан живо представил слона-маньяка, пытающегося изнасиловать автобус... Да уж, кадры уникальные. Эксклюзив. Спросил:

– И как проблему решили?

– Ну, «зеленые» предложили новую гениальную идею: пусть, дескать, местные егеря сами слонам под хвост заглядывают и всем самкам на спину метку краской наносят. Большую, с воздуха хорошо заметную. Чтобы уж без ошибок продолжать гуманную акцию. Но тут кенийское правительство убытки посчитало, за ум взялось и всех придурков-природолюбков из страны мягко попросило. Сексуально озабоченных самцов егеря отстреляли без лишней рекламы, в укромных местах, подальше от глаз и камер туристов. А окрестным жителям стали продавать, штуцера слонобойные и лицензии на отстрел в ограниченных количествах. И утряслась как-то проблема потихоньку...

Эскулап побарабанил пальцами по опустевшей бутылки. И добавил неожиданное:

– Только нашу проблему так не решай – выстрелом в укромном месте. Этот объект мне нужен живым и только живым. Лучше упустить и начать всё сначала, но не убивать ни в каком, даже в самом крайнем случае.

Голос Эскулапа звучал не так, как при рассказе о половой жизни слонов и слоних – жестким приказом.

Руслан посмотрел на его осунувшееся, постаревшее лицо. Подумал, что Эскулапу не подчиняется, но ответил уверенно:

– Возьмем. Живым. Никуда не денется. Хотя сам ни в чем уверен не был.

Через час Руслан улетел в Питер.

Глава 6

Военный совет состоялся утром, когда буксир тарактел уже по Ново-Ладожскому каналу. Кроме «егеря Ивана» и Прохора Савельевича, в нем принял участие Петя Гольцов.

Капитан так объяснил его присутствие:

– Ты, Петя, парень образованный, в университете обучаешься, – может, и присоветуешь что толковое. Хотя, конечно, моря не видел и жизни не знаешь. А я-то, едредть, и училище с большим скрипом окончил, не силен был в науках гуманитарных. Только тем и взял, что с завязанными глазами мог хоть по Неве пройти, хоть по Ладоге, хоть по Онеге. Каждую мель помнил, каждый бакен. Но хоть наук не превзошел, однако в жизни видывал всякого. Сдается мне, в три головы быстрее чего-нибудь толкового Ивану присоветуем.

С чего начать-то ему? Как место свое в жизни отыскать прежнее?

Как и принято на всех военных советах, первым высказался младший по званию. То есть Петя Гольцов. Он понятия не имел, что следует предпринять человеку, напрочь забывшему, кто он такой, о чем сразу и заявил:

– Я не знаю... Но думаю, что когда люди без вести пропадают, то куда положено обращаться? В милицию. Наверное, когда находят, то тоже туда идти надо. К ним все сведения о пропавших без вести сходятся. О вышедших из дома и не

вернувшихся.

Иван возражений не высказал. В его нынешний жизненный опыт контакты с органами правопорядка не входили. И никаких воспоминаний слово «милиция» не пробудило.

Зато капитан воспротивился весьма активно:

– Ага, едренть, в милицию... А там первым делом: документы предъяви! Нету? И кто такой – забыл?! Ну так освежим те память... Отмудохают дубинкой по ребрам и в обезьянник запихают. Начнут проверку, не беглый ли, не урка ли в розыске... «Пробивка» по-ихнему называется. И если ничего на те не висит...

Прохор Савельевич сделал паузу, внимательно посмотрел на Ивана. Тот слушал равнодушно, со спокойным лицом. Капитан продолжил:

– Ежели ничего не «пробьют» – то отправят в приемник-распределитель, к бомжам в компанию. Оттуда, если повезет, – в психушку, на экспертизу. А психушка, ходят слухи, хуже зоны. На зоне хоть срок свой знаешь, до выхода дни считаешь... Лечить же ты всю жизнь могут. После их уколов и здоровый заговариваться начнет. А тебя уж точно не выпустят. Заполните, скажут, анкетку, посмотрим как вы, мол, вылечились. И что ты там напишешь? Какой год на дворе, и то не помнишь...

– Две тысячи второй, – сказал Иван. – Год лошади.

– Вспомнил, что ли?

Иван указал на переборку. Точнее, на украшавший ее ка-

лендарь с обнаженной девицей, лихо оседлавшей буланого мерина.

– За знание года, едренть, ты на волю не выпустят, не мечтай... Я вот что предлагаю. На Свирь тебе надо, обратно в Лодейное Поле. И в районную охотинспекцию сразу. Мнится мне, тебя там сразу узнают, в дверях еще. Поскольку, кроме как инспектором с Лодейного, быть ты никем не можешь. Я тут поразмыслил и понял: даже лесником или егерем – не можешь. Егерь кордон содержит, прислуги ему по штату не положено. А ты на ладошки свои глянь... Глянул? Вот то-то. Нет мозолей... Без денег и документов возвращаться не стоит, только до первого мента и доберешься. Поэтому подожди, мы в Усть-Ижоре баржу отцепим и обратно пойдем, с двумя порожними... Чуть медленнее вернешься, зато с гарантией.

– Лодейное Поле – это поселок? – спросил Иван.

– Город это, город на Свири. Старинный, еще Петром основанный. Про Петра Первого хоть помнишь? Иван покачал головой. Спросил:

– Большой город?

– Да нет, обычный райцентр. И полсотни тысяч не живет...

– Тогда я не оттуда, – уверенно заявил Иван.

Капитан и Петька посмотрели с удивлением. Впервые их гость что-то сказал о себе так уверенно и безапелляционно. Продолжил он, впрочем, совсем в другой тональности:

– Я... Мне приснился сон... Сегодня, под утро. Город... большой, огромный город... улицы, полные народу... я еду на машине, за рулем, – уверенно еду, дорога мне знакома, улица, другая... припарковываю машину... захожу в здание – не в первый раз захожу, как в хорошо знакомое место, и...

– И что? – в один голос спросили Петя и Прохор Савельевич.

– И все. Проснулся.

– Разные сны бывают, Иван, – задумчиво сказал капитан. – Порой такое привидится, чего в жизни с тобой не бывало и не будет никогда. Поневоле думаешь – чужой сон в башку затесался, не иначе... Не стоит на сны надеяться.

Человек, названный Иваном, не стал спорить. Хотя сам был уверен в обратном. Во сне он знал, кто он такой и как его зовут – но знание эхо ушло с пробуждением.

Второй военный совет состоялся в Логове – в той самой комнате, где почти всю ночь беседовали Руслан с Эскулапом.

На столе лежала большая карта, над столом склонились люди в камуфляже. Впрочем, советом происходящие назвать было затруднительно – никто ни с кем не советовался. Говорил (хорошо поставленным голосом преподавателя, четкими, закругленными фразами) в основном один человек, Мастер.

– Вот этот круг на карте – зона, где может оказаться объект к сегодняшнему дню. Сами понимаете, с каждым часом

диаметр окружности будет расти, а площадь соответственно, расти в квадрате...

Мастер осекся, посмотрел на лица подчиненных... Судя по лицам, объяснять им геометрические проблемы бесполезно. Мысленно сплюнул и заговорил проще и резче.

– Значит, так. На территории поиска имеем следующие жилые объекты: четыре деревушки, пять егерских кордонов и вот здесь, на севере, – бывший поселок торфодобытчиков. Сейчас его какие-то сектанты приспособили под свою коммуны. Разбиваемся на четыре группы, три на вертолетах, одна по земле. Старшие: я, Штырь, Ахмед и Мухомор. Держите – здесь списки объектов для каждой группы. Легенда: побег из зоны. Выспросить всех про незнакомого человека, особая примета – ни единого волоска на голове и теле. Тут все наперечет, любой новый как белая ворона, за версту видать. Расспрашивать обо всем, о любых необычных мелочах. Пропажа каких-либо вещей или одежды – любой, хоть с огородного пугала. Непонятные следы или звуки в лесу. Странное поведение кого-либо из соседей. Короче, о любой, самой мелкой странности докладывать мне по рации. Кодовые фразы там же, со списками объектов. Вопросы?

– А ежели кто в молчанку сыграть решит? – спросил Ахмед – высокий, лет тридцати пяти на вид (и речь, и облик у него были вполне славянские). Судя по кривившей лицо нехорошей усмешке, ни на какой выигрыш играющие с ним в молчанку рассчитывать не могли.

– Особо не усердствуйте, – ответил Мастер. – Начните разговор с того, что на сбежавшем несколько трупов, в том числе вырезанная семья с маленькими детьми – тогда никто его покрывать не будет. Можете сказать, что семьями убитых назначена награда за поимку. За поимку живым! А то притащат холодного, тут народ тертый, у каждого второго зона за плечами... Но и миндальничать нечего. Если кто будет юлить – ломайте. Далее. В лесу могут встретиться туристы, рыбаки, ягодники... Охотников быть сейчас не должно, не сезон. Увидите где лодки, палатки – приземляйтесь, расспрашивайте. Действовать по той же схеме, но помягче. Допрашивать порознь – есть вероятность, хоть и небольшая, что наш клиент опамятуется и сочинит душещипательную легенду. Городские могут и клюнуть... У тебя вопрос, Мухомор?

Мухомор был постарше Ахмеда, выглядел лет на сорок, сорок пять, и прозвище свое получил за белые пятна ожогов, разбросанные по голому черепу – и поэтому всегда, даже сейчас, носил на голове зеленый платок-бандану. Поговаривали, что это следы термитно-фосфорной гранаты, и, до того как попасть в команду Мастера, служил обладатель грибного прозвища в весьма серьезных войсках, но все это могли быть и слухи. Сам Мухомор никогда и ничего о себе не рассказывал. А обгореть и на пожаре можно.

– Нужна фотография, – веско сказал Мухомор. – Или по меньшей мере словесный портрет.

Мастер замялся.

– С этим пока проблема... Объект был последним из партии... В общем, яйцеголовые сами не знают, кем он был раньше. Обещают эксгумировать остальных и вычислить методом исключения...

Мухомор неодобрительно покачал головой и ничего не сказал.

У Штыря, назначенного командиром наземной поисковой группы, вопросов не оказалось. Этот невысокий, плотно сбитый качок, самый молодой из присутствующих, вообще редко задавался вопросами. Шествовал по жизни деловито и уверенно – так же, как в недалеком прошлом ходил по Коломяжскому рынку во главе бригады скуловоротов, следящих за регулярной выплатой дани челноками-торговцами. Мастер привлек Штыря к нынешней службе именно за неспособность удивляться и патологическое отсутствие воображения.

Ничего странного и удивительного в новой работе Штырь не видел. Сидят в клетках обросшие густой шерстью невиданные звери – и ладно. Один сбежал – будем ловить...

Гораздо больше его заинтересовала коммуна сектантов, обозначенная в доставшемся списке как «Обитель Ольги-спасительницы». Штырь сильно надеялся, что в данной обители обитают монашки – молодые и истосковавшиеся по мужскому обществу. Сложившаяся на Полигоне демографическая ситуация никак не устраивала Штыря, привыкшего к

частому и интенсивному общению с противоположным полом.

– Этих... из безопасности... В группы включать? – спросил Ахмед. Судя по тону, вопрос был риторическим. Команда Мастера работала в связке с подчиненными Руслана только в исключительных случаях.

Мастер даже не стал тратить слов на ответ – молча помотал головой.

Третий военный совет – такое уж изобильное на них выдалось утро – проходил в Питере. В кабинете Генерала.

Состав присутствующих был самым узким – хозяин кабинета и Руслан.

Разговор оказался неожиданным.

Генерал с каменным лицом и без единого замечания выслушал предложенный план мероприятий: перекрыть все въезды в город, обложить жильё всех членов группы «лямбда-2», прочесать частым гребнем морги города и области в поисках неопознанного безволосого трупа, а психушки и приемники-распределители – в поисках живого объекта. Потом задал неожиданный вопрос:

– Сколько у тебя надежных людей? Полностью надежных?

Руслан, проведя ночь за беседой с Эскулапом, рассчитывал поспать во время перелета в город – и просчитался. Над Ладогой, где тихая погода редкость, вертолет попал в жестокую болтанку. Суть вопроса Руслан понял не сразу:

– В каком смысле – надежных?

– В самом прямом, – терпеливо пояснил Генерал. – Про которых ты точно знаешь – нет никаких завязок с нашими... хм... партнерами.

Руслан помолчал, не понимая, к чему клонит Генерал. Проверенных в деле, давно работающих оперативников было немного – до заключения пакта с «ФТ-инк.» раздуть штаты не позволяло скудное финансирование. А все пришедшие в последнее время контакты с Мастером имели, и достаточно плотные.

– Семь человек, я восьмой, – наконец ответил Руслан. – Но гарантия полная. Мастер про их существование даже не знает, любые попытки вербовки исключены.

Генерал понял сразу, каких людей имеет в виду начальник службы безопасности.

– Группа, созданная после дела Кольванова? Для гашения подобных случайностей?

– Точно так.

– А остальные?

– Стопроцентной гарантии дать не могу. У наших партнеров на руках небьющийся козырь – очень большие деньги. Про двоих знаю точно – постукивают Мастеру. Знаю – и держу в стороне от некоторой информации. А прочие... Ни в чем не замечены, но...

– Значит, операцию будешь проводить силами той семерки.

Руслан ошарашено замолчал. Предложенный им план предусматривал на порядок большее число исполнителей. Но Генерал отмел возражения:

– Справишься. Потому что тебе не придется работать по всем шести участникам проекта «лямбда». Всего лишь по одному.

– Но... Эскулап...

– Эскулап сказал в Логове то, что я ему приказал сказать. Изобразил дело так, будто у него тут полный бардак и анархия, ни учета, ни контроля... Ладно Мастер, но ты-то как в такое поверил? Возьми, ознакомься.

Руслан взял протянутую тоненькую папочку, быстро пролистал... Негусто, но все, что надо, есть. Фотография, скудные анкетные данные. Результаты многочисленных анализов и обследований кандидата... Ну, это уже ни к чему. Тех зацепок, что есть, вполне достаточно, чтобы через день-два знать о Ростовцеве А. Н. всё.

– А план, что ты мне в начале разговора изложил, в действие приводи – остальными, силами, – сказал Генерал. – Только на это направление, – он показал на папку, – выдели не самых толковых, скорее наоборот... А свою семерку поставь так, чтобы они успели взять Ростовцева раньше. Приемники-распределители и линейные отделы на транспорте я уже задействовал – любую информацию о похожем человеке ты получишь первым. Если же он просочится в город, что вполне вероятно – ты должен его взять до того, как он вый-

дет на контакт со своим окружением.

– Взять – и?

– И доставить целым и невредимым... в одно место. В какое, узнаешь в свое время.

Вот оно что, подумал Руслан. Генерал затеял свою игру с господином Савельевым, все активнее прибирающим к рукам научную составляющую темы... Руслан был знаком со статистикой – большая часть доставляемых с Полигона сывороток и плазмы крови ликантропов шла теперь в лаборатории «ФК». Надо понимать, шеф в противовес создал свой запасной аэродром – сепаратный исследовательский центр на базе одной из нескольких площадок, занимавшихся кое-какими побочными исследованиями по «проекту W». И человек, успешно прошедший полную ремиссию, даст этому центру изрядную фору...

– Скажите, шеф, почему вы так уверены, что объект не обратится в милицию с рассказом обо всем, что с ним было? К медикам? К журналистам, наконец? Едва ли кто-нибудь поверит в его эпопею, но все же...

– Не обратится. Кое-что из истории проекта не знает даже Эскулап. Опыты по полной ремиссии уже проводил Марченко – двенадцать лет тому назад. Результат однозначный – никто из подопытных не вспомнил, что происходило с ним во время трансформации...

– Как же так... Не понимаю... – растерянно сказал Руслан. – О возможности полной ремиссии известно двенадцать

лет, а мы тут...

– Результаты опытов Марченко убрали подальше. Была там одна маленькая заковыка... Как говорится: операция прошла успешно, но больной умер. Несмотря на все старания, ни один из ликантропов не прожил дольше трех часов после обратной трансформации. Но в сознание приходили, и насчет провала в памяти сомнений нет.

А у Руслана сомнения остались... Те, двенадцатилетней давности подопытные, умирали слишком быстро и не успевали ничего вспомнить. Этот – почему-то не умер; значит, есть шанс... Руслан оборвал мысль. В конце концов, это его работа – не оставить беглецу никаких шансов.

– Имей в виду еще одно, – добавил Генерал. – Марченко работал с обычным тогдашним материалом. С бомжами. Хронических болячек у них у всех было предостаточно. Было – до трансформации. После обратной – не осталось ни одной.

Больше Генерал не сказал ничего. Но Руслан понял все с полуслова. Перспектива открывалась заманчивая. Если понять, какое сцепление случайностей позволило Ростовцеву остаться в живых, и повторить это в лабораторных условиях, то... Воображение Руслана мгновенно нарисовало картинку: небольшая частная клиника в укромном уголке и со строжайшим режимом секретности. Узкий контингент клиентов – очень богатых клиентов. Курс лечения – две-три недели, о которых пациент никогда и ничего не вспомнит. И полное

исцеление от самых застарелых хворей... И оплата – чек с длинной-длинной цепочкой нулей.

Пусть придурки из «ФТ» бьются, пытаюсь получить лекарства, не отягощенные чудовищными побочными эффектами. Они – Генерал с Русланом – обойдутся без господина Савельева. И без его отмороженного Мастера...

Остается самая малость – первыми найти сбежавший объект.

Разговор оборвался на полуслове.

Мир вокруг стал огненно-красным – совершенно неожиданно. Потом пришла боль, вонзилась в затылок тысячью обжигающих зазубренных игл и тут же раскатилась по телу со скоростью ударной волны взрыва. Человек, названный Иваном, попытался закричать и не смог. Глотка казалось пережваченной тугой петлей раскаленной добела проволоки.

Капитан и Петя Гольцов сначала не поняли ничего – с удивлением смотрели, как исказилось лицо Ивана, как пальцы скрючились, судорожным движением смяли скатерть.

Потом его рослое тело дугой изогнулось назад под невысказанным углом – и рухнуло вместе с банкеткой, на которой сидел Иван. Из полуоткрытых губ доносился хрип, похожий на рычание. Глаза закатились, уставившись вверх бельмами белков.

Припадок... – понял Прохор Савельевич и рявкнул своим знаменитым, не нуждающимся в мегафоне голосом:

– Фокина сюда, с аптечкой! Бегом!

Напуганный Петька опрометью метнулся из каюты. Капитан нагнулся над Иваном, сжав в руке деревяшку, которой по летней жаре крепился настежь распахнутый иллюминатор, – сунуть между зубов, при эпилепсии первое дело...

Не потребовалось.

И снадобья из запасов Фокина, среди прочих обязанностей ведавшего на буксире медчастью, – не потребовались.

Иван посмотрел на капитана – зрачок и радужка на законном месте, взгляд осмысленный. Поднялся сам, хоть капитан и протягивал руку. Осторожно коснулся затылка, поморщился. И спросил:

– Что это было?

– Уж и не знаю... – протянул Прохор Савельевич. – Я-то думал, грешным делом, эпилепсия – так там, едренть, приступы так быстро не кончаются...

– Как паровой каток по мне проехал – ни вдохнуть, ни крикнуть... Проехал – и укатил дальше. А я весь стал такой пустой и плоский...

Фокин (одолевший в свое время полтора курса ветеринарного техникума) протягивал стаканчик с какими-то каплями – Иван отвел его руку. Расстегнул ворот, пододвинулся к иллюминатору, жадно втягивая воздух.

– Пойдем, пойдем, на палубу выйдем, – сказал капитан. – Крепко тебя по затылку приложили, до сих пор аукается...

Они вышли. Разочарованный Фокин недовольно посмот-

рел на стаканчик с каплями, подозрительно принюхался к нему, уловил спиртуозный запах – и выпил залпом.

...Мимо плыли низкие берега Ново-Ладожского канала. Прохор Савельевич искоса поглядывал на гостя, но тот снова в обморок падать не собирался. Похоже, действительно, все прошло... Проехало. Ну и ладно.

На две оставшихся за кормой высоченных опоры ЛЭП, перекинувших высоковольтные провода через канал, капитан внимания не обратил. И со странным недоумением Ивана никак их не связал.

Глава 7

Сектантская обитель, обосновавшаяся в бывшем поселке торфоразработчиков, Штыря удивила. Видывал он такие поселки – слепленные на скорую руку неказистые бараки – чтобы не жалко было бросить, выработав торфяные пласты в округе.

Здесь же никаких бараков не осталось. На пригорке стоял здоровенный рубленый терем, стилизованный под русскую старину – резные наличники и прочие прибабасы, Штырь не слишком в них разбирался... Наверху – луковки куполов, кресты. Обычные православные кресты, не старообрядческие – в этом Штырь немного петрил. С крестами несколько дисгармонировали три тарелки спутниковых антенн.

Вокруг терема – небольшие надворные постройки, тоже весьма живописные. Подворье окружал высокий дощатый забор-заплот.

Недавно отгрохали, подумал Штырь. Прошлым летом, не раньше, – дерево не успело потемнеть от ветров и непогоды. Богатенькие, однако, нынче пошли сектанты.

Он махнул рукой подчиненным и вразвалку пошел к воротам, пятерка бойцов потянулась следом. На соседствующей с воротами калитке не оказалось ни кнопки звонка, ни шнурка колокольчика, более приличествующего стилизации под старину. Штырь, не мудрствуя лукаво, забарабанил прикла-

дом. Оружие они держали на виду, благо легенда позволяла. На камуфляже Штыря, кстати, сейчас красовались звездочки прапорщика и взвэшные эмблемы (хотя ни внутренних, ни прочих войск он своей персоной никогда не украшал).

В калитке распахнулось крохотное, кулак не просунуть, квадратное окошечко.

– Пошто стучишься во двери храма Божьего, сын мой? – прогудел из-за калитки густой бас.

Способностями к вдумчивому анализу чужих слов Штырь никогда не отличался, но чем-то ему эта фраза не понравилась. Была она... ненастоящая какая-то. Не то книжная, не то киношная, и, более того, в тоне вопрошавшего чувствовалась замаскированная издевка. И окающий акцент казался ненатуральным, нарочитым.

– Прапорщик Трубин, – представился Штырь, приосанившись. – В районе ведутся поиски опасного рецидивиста, бежавшего из мест заключения. Прошу допустить внутрь для осмотра и опроса возможных свидетелей.

Эту тираду Мастер написал на бумажке и заставил Штыря выучить наизусть – обычный лексикон «прапорщика» позволял заподозрить в нем скорее клиента, чем охранника исправительных заведений... Впрочем, на зоне Штырь тоже не бывал никогда.

– Ступай с Богом, сын мой, – раздалось из-за калитки. – Порог сей смиренной обители женской не преступают мужи, тем паче оружием отягощенные... Ступай, сестры помолятся

за успех дела вашего.

Штырь приник к окошечку – и увидел здоровенного мужика в черной —рясе. Борода (тоже черная) лопатой, шея толстенная – ломом не перешибешь. Больше ничего разглядеть не удалось, страж ворот перекрывал обзор надежно.

– А ты-то как сюда прописался, чмо толстомясое? – прошипел Штырь злобно. – Может, тебе сестры богоугодные причиндалы отманьячили, когда на службу брали?

Он надеялся, что бородатый здоровяк после таких слов распахнет калитку и они вшестером маленько поучат его вежливости. Не сложилось. Окошечко попросту захлопнулось.

Ну, сам напросился... Штырь молча, жестами, объяснил соратникам задумку. Этот пункт задания они выполняют, а заодно и немного развлекутся. Авось не все здешние сестры – старушки – божьи одуванчики.

Бойцы быстро и бесшумно составили у забора, в стороне от ворот, живую пирамиду. Штырь взмахнул по ней наверх, вцепился в гребень, подтянулся – ни колючей проволоки, ни тому подобных устройств наверху не было. Рядом вцепились в дерево руки второго бойца. Жлоба-привратника из-за изгиба забора не видно, на обширном подворье – никого. Справимся с толстомясым вдвоем, решил Штырь. Справимся и откроем ворота... Он решительно перевалился через гребень и спрыгнул вниз.

Бесконечно-унылый канал наконец закончился – буксир и баржа вышли на широкий речной простор.

– Что это? – спросил Иван у Гольцова. Петю капитан освободил от всегдашних обязанностей, определив приглядывать за гостем.

– Нева, – коротко ответил будущий писатель.

Нева... Слово было знакомым, сочетание звуков тащило из памяти какой-то образ, какую-то картинку... Иван закрыл глаза.

...Нева. Серая гладь, стиснутая гранитом берегов, каменные львы, лестница, спускающаяся к воде, радужные разводы нефтяной пленки, легкий запах мазута, девушка в белом платье на фоне реки, губы шевелятся, сейчас она назовет его имя, сейчас... Ничего. Чернота. Обрыв пленки.

Он вынырнул из видения, широко распахнув глаза. Зеленые берега привольно раскинулись, не придавленные мертвым камнем. От воды пахло сырой свежестью, никак не мазутом...

– Не похоже на Неву... Совсем не похоже... Казалось, Иван говорит это самому себе, но Гольцов счел нужным ответить:

– Да ты и не был, наверное, никогда – здесь, в истоке. В городе Нева действительно как канава сточная... А тут водичка свежая течет, чистая, только-только с Ладоги. Чуть ниже даже рыбозавод стоит, форель, лосося разводят, мальков в реку выпускают – и ничего, недохнут. А форель, знаешь ли,

в какой попало воде жить не станет...

Иван почти не слышал Петькиных слов. Снова закрыв глаза, пытался вызвать из памяти девушку в белом – она знала его имя, его настоящее имя, и могла назвать его... Бесполезно. Крохотная, на секунду приоткрывшаяся щелка захлопнулась. Память снова стала безмолвным черным монолитом.

Потом он попытался посмотреть на Гольцова сквозь опущенные веки – так, как недавно смотрел на капитана. Не увидел ничего. Глазные яблоки ощущали лишь яркий солнечный свет. Иван опять не знал – удивляться этому или нет.

Над головой, по прикрывающим палубу дугам, скрежетнул трос – буксир и баржа вписывались в излучину речного русла. Иван с любопытством глядел вперед: что там, за поворотом?

Во второй деревушке – крохотной, вымирающей Бессоновке – Мухомору наконец попалась хоть какая-то зацепка.

Старичок, похоже, что-то знал – дедок, с которым они, прежде чем перейти к главному, неторопливо и обстоятельно поговорили о погоде, рыбалке и о кознях зловредного Чубайса, на два месяца оставившего деревню без света...

Мухомор не прошел через старую, петэушную команду Мастера и не любил без особой нужды вышибать из людей информацию.

– Видал, видал, сынок... – улыбнулся дед.

Белоснежная улыбка выглядела на его загорелом морщи-

нистом лице странновато.

Дед явно любил улыбаться, гордясь новенькими вставными челюстями. Вот и сейчас – радостно оскалился во все тридцать два искусственных зуба. «Или во все двадцать восемь?» – подумал Мухомор. Вроде бы зубы мудрости доктора не протезируют. Да и то сказать: разве может быть мудрость из пластмассы, фарфора или металлокерамики?

Короче, дедуля в очередной раз продемонстрировал свои голливудские жевалки и сказал, понизив голос:

– Раненько по утру видал... Во-о-н там вон, у желтого домика, на задах, по огороду шмыг – и нет его. А кто, что, – и не разглядел-то я сослепу...

– А кто в том доме живет? – мягко спросил Мухомор, внешне не выказывая особого интереса.

– Да Нюшка, продавщица с сельпо... Она баба шебутная, могла и пригреть какого, беглого-то...

– Ну, сходим и к ней, служба есть служба... – протянул Мухомор так, что сразу становилось ясно – никого он там найти не надеется, да и не слишком стремится. Но сделал бойцам малозаметный знак – те разделились, скользнули в стороны, окружая желтый дом, отрезая от леса.

...Продавщица Нюра оказалась высокой, рыжеволосой, лет сорока на вид. Узнав, в чем дело, разозлилась:

– Вот ведь сморчок старый! Все ему нейдет...

– Сморчок – это кто? – спросил Мухомор, понимая, что тянет очередную пустышку. Бойцы, осматривавшие надвор-

ные постройки, вернулись – никого и ничего.

– Да дед Серега, кто же... – не чинясь, объяснила Нюра. – Он сам-то вдовый, да в штанах-то, видать, свербит все еще – ну и давай клинья подбивать: я, мол, один, да ты, мол, одна, мужиков на деревне свободных, почитай, нету, ну и... В город ездил, зубы вставил, комик. В общем, послала я его...

Мухомор моментально вник в суть проблемы.

– Понятно. Свободных мужиков нету... Значит, утром от тебя несвободный тишком уходил?

Просветить о подробностях шекспировских страстей, кипящих под мирно-летаргичной личиной Бессоновки, продавщица не успела. Голодным птенцом запищала рация – сигнал срочного вызова.

Мухомор выслушал сообщение, мрачней лицом. Скомандовал своим:

– К вертолету! Бегом!

Ахмеда и его группу сигнал срочного вызова застал на обнаруженной с воздуха стоянке туристов-водников – вытасщенные на берег каяки, три двухместные палатки, кострище...

Похоже, любители байдарочной романтики родились под счастливой звездой – Ахмед собрался как следует поразвлечься.

– Чем же это вы тут, сучьи дети, занимаетесь? – вопрошал он, покачиваясь с пяток на носки и бессознательно копирую

манеру белогвардейских контрразведчиков из старых советских фильмов. – Проникли без разрешения в охранную зону военного объекта – раз. Маршрутного листа, утвержденного в Управлении по туризму, не имеете – два. Ружьишко с собой везете не зарегистрированное – три. И что с вами делать прикажете? Придется вас в распоряжение части доставить, для выяснения.

Бородатый очкарик, бывший у туристов за главного, молчал. Он уже успел получить прикладом по ребрам, когда на повышенных тонах пояснял, что не первый раз идет этим маршрутом и до сих пор прекрасно обходился без маршрутных листов и разрешений. Типичный ботаник, подумал Ахмед. Надо бы добавить гаденьшу, небось кандидат каких наук, выполз, сука, оттянуться на природу, потрахать аспиранток-лаборанток, размякших от романтики и песен под гитару...

Ахмед оценивающе поглядывал на двух молодых симпатичных туристок. Никого доставлять в Логово он, понятно, не собирался. Сказать, что все шестеро туристов в вертушке не поместятся, да загрузить на первый, якобы, рейс этих мокрощелок, отлететь километра на два-три, приземлиться и...

Мечты остались мечтами.

Голос Мастера в наушниках был встревожен и резок:

– Бросай все и давай немедленно в квадрат тридцать два – четырнадцать, к сектантам! Как понял? Тридцать два – че-

тырнадцать!

– Самовар закипел? – спросил Ахмед, припомнив кодовую фразу, означавшую: найден след объекта. Оставалась надежда, что «немедленно» не значит сию секунду, и туристочки все-таки успеют вдосталь хлебнуть лесной романтики.

– На месте узнаешь! – прорычал Мастер. – Вылетай сейчас же! У Штыря большие проблемы! Понял меня? Очень большие проблемы!

Ахмед понял только то, что со Штырем стряслось нечто, их кодовым словариком не предусмотренное. Вздохнул, глянул еще раз на туристок и, не прощаясь, бегом повел группу к вертолету. Место стоянки и направление движения байдарочников запомнил – на всякий случай. Проблемы Штыря – это проблемы Штыря. Не причина, чтобы погибаться от спермо-токсикоза.

Через покрытые серебром прутья клетки был пропущен ток, способный убить человека на месте. Тварь бросалась и бросалась на решетку – уже третий час подряд. С оскаленных клыков падала пена, от воя закладывало уши.

Зрелище разнообразием не отличалось, но Эскулап и Деточкин наблюдали за ним с неослабным вниманием.

Рядом, демонстративно скучая, стояли трое охранников. Двое с многозарядками двенадцатого калибра, патроны снаряжены серебряной картечью. У третьего была драгуновка. Именно он два с лишним часа назад точным выстрелом сбил

прибор, крепившийся на затылке зверя – спонтанный опыт Емели и Гвоздя повторяли в чистом виде.

– Вроде слабеет, – сказал Эскулап, дождавшись короткой паузы в издаваемых тварью звуках.

Деточкин молча пожал плечами – перекрычать возобновившийся вой было невозможно.

Это была вторая попытка. Первая тварь мучилась без малого шесть часов – и сдохла, не закончив ремиссию. Волосяной покров опал почти полностью, обнажив перекрученное судорогой тело. Гипертрофированные мышцы и кости остались прежними, не вернулись в исходный вид; но украшавшие чудовищную пасть клыки стали разрушаться от легкого прикосновения – мутировавшая эмаль, недавно способная крушить металл, рассыпалась белой трухой...

...Метания твари замедлялись. Вой становился все более отчаянным, переходя временами в жалобный визг. Эскулап посмотрел на часы. Эксперимент продолжался.

В разговор вступил второй мужчина, тоже вполне интеллигентного вида, невысокий, худощавый:

– Странно они как-то – сорвались, улетели... Заподозрили? Наш прокол? Или у них стряслось что нештатное? А так неплохо бы вышло – долетели бы с ветерком, глянули бы сверху, что они там понастроили. Посидели бы несколько часов в их каталажке, а уж ночью... Может, подождем? Вдруг вернуться?

– Нет, – отрезал «ботаник». – Действуем по плану, без самодеятельности. Через час отплываем. Миша, Петрусь, отправляйтесь в лес, доставайте все из захоронки... А ты, Оленька, организуй мне сеанс по «си-эль», сдастся мне, тут ушей в эфире хватает...

Оленька, по сложившемуся у туристов распределению обязанностей, отвечала за РЭБ,¹ в том числе и за связь, тут же начала приводить в рабочий вид аппаратуру, внешне выглядевшую как потрепанный двухкассетник тайваньского либо гонконгского производства. И даже не только выглядевшую – кассеты на ней тоже можно было проигрывать. Правда, группе «ботаника» было не до песен.

«Типичный ботаник» (как окрестил его Ахмед) проводил взглядом вертолет, уходивший к северу. Лицо у него сейчас было не то, что десять минут назад – губы не подрагивали, глаза не смотрели тревожно. Волевое стало лицо, жесткое.

– Ну что? Они? – спросил «ботаник».

– Похоже, они, – согласилась одна из женщин, приглянувшихся Ахмеду. – Если эти козлы действительно из ГУ-ИН 2 – то я Моника Левински.

1 РЭБ – радиоэлектронная борьба (обеспечение радиосвязи (локации) и противодействие аналогичным действиям противника: перехват, пеленгация, постановка активных и пассивных помех и т. д.).

2 ГУИН – Главное управление исполнения наказаний при Минюсте РФ.

Охранник был совсем молодым парнишкой, даже борода не росла, как положено, торчала неровными клочками. И пацан очень не хотел умирать. Долго и упорно полз, оставляя кровавый след. Дополз до двери, ведущей в пультовую, и умер на пороге.

Мастер ногой отодвинул тело в окровавленном подряснике, распахнул дверь.

Внутри обстановка резко отличалась от псевдо-старинного стиля псевдо-обителю: пластик на стенах, пульта, мониторы внутреннего и наружного наблюдения. Впрочем, гостей «Ольги-спасительницы» сюда, конечно же, не допускали... Гостей, выкладывавших немалые деньги за секс-туры а-ля-рус: затерянный в глуши скит, мать-настоятельница, весьма похожая на настоящую, истомленные воздержанием монашки (на деле, понятно, бляди-профессионалки высшего разряда) – не отдающиеся без долгих терзаний и молитв, занавешивающие перед актом иконки, а после акта вполне натурально разыгрывающие достоевщину с раскаяниями... Тьфу.

Мастер сплюнул.

На забившегося в угол маленького человечка в очках с толстыми стеклами он демонстративно не обращал внимания. Пощелкал тумблерами на пульте, благо система оказалась стандартная и знакомая – никого спрятавшегося и затаившегося экраны не показали. Бойцы заканчивали прочесы-

вание и деловито сгоняли уцелевших в обширное помещение трапезной. Все путем.

Человечек сидел, как загнанная в угол крыса, – и наконец не выдержал:

– В-в-в-ы кто? – пролепетал жалобно.

Мастер обернулся, сделав вид, что лишь сейчас заметил очкарика. Брезгливо скривил губы – на брюках полудурка расплзлось мокрое пятно, а запах свидетельствовал, что это отнюдь не пролитый с испугу кофе. Ничего удивительного – наверняка видел на экранах, как ребята Мастера разобрались с охраной. Но надежда умирает последней, и бедный дурачок еще на что-то надеялся.

– Кто, кто... – сказал Мастер, выдержав давящую паузу. – Хрен в пальто. Вы зачем моих людей убили?

– Я н-н-никого... Я т-т-тут... – забормотал человечек. – Он-н-н-ни с-сами...

Что он имел в виду: утверждал ли, что четверо из группы Штыря совершили коллективное самоубийство, или что это они первыми схватились за оружие, или что все силовые действия совершались без его, человечка, участия – Мастер выяснять не стал. Теперь уже неважно, кто первым нажал на спуск. Вполне возможно, что и Штырь – тот еще был отморозок. Вопрос в другом: что делать с этим религиозным борделем?

– Сообщение послать-то успел?

– Н-н-нет, я п-пытался, но п-п-помехи...

Мастер удовлетворенно кивнул. Не зря он приказал включить на подлете постановщик помех, как сердце чуяло. Значит, есть шанс, что владельцы «обитатели» – весьма серьезные ребята, «держашие» почти всю Карельскую автономию – останутся в неведении, кто нанес сюда отнюдь не дружеский визит. Если, конечно, грамотно зачистить концы.

Больше с очкариком он говорить ни о чем не стал. К чему беседовать с мертвецом? Недвусмысленно дернул стволом: на выход! Тот поплелся к двери.

У дверей трапезной к Мастеру подошел Ахмед – рот оскален усмешкой, в глазах не остыл шальной кураж схватки. Мухомор стоял тут же, прислонясь к стене, молчаливый и бесстрастный.

– Мокрощелок-то, шеф, надо бы попользовать... прежде чем... – сказал Ахмед. Сомнений в дальнейшей судьбе обитателей у него тоже не было. – А то ребята истосковались, десять дней еще до смены... Все равно ведь придется... – Ахмед сделал характерный жест указательным пальцем, словно давил на спуск.

Мастер задумался. Не о судьбе пленников – те так или иначе не жильцы, – оставлять свидетелей и ввязываться в разборки и криминальные войны сейчас не с руки. Но стоило продумать, как лучше использовать негаданно попавший в руки материал.

Ахмед смотрел вопросительно, так и не получив ответ на свой животрепещущий вопрос.

– Хорошо, – сказал Мастер, – пусть ребятки поразомнутся. А ты на вертушку – ив Логово. Бери трех... нет, двух объектов в полевых клетках, Деточкина, – и обратно. Посмотрим, как будут работать по группе. И не на ровненьком озерном льду, а в помещениях... Да ладно, ладно, не хмурься, значим тут для тебя красотку, все равно кое-кого с собой повезем, сам знаешь, половина клеток в виварии пустые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.